

Николай Слимпер

---

*Троекон.
Книга 1:
Третий путь*

Annotation

Четыре года прошло с окончания войны против магов, охватившей почти весь мир. Организация «Викаранай» продолжает преследовать и истреблять волшебство на всех трех континентах, но, даже несмотря на продвинутую науку, им не удастся до конца искоренить скверну. Маг-самоучка, живущий на самом краю восточного континента, загорается желанием покинуть этот мир и перенестись в другой, где магов не считают злом. Но, чтобы это сделать, ему необходимо пересечь все три континента. Удастся ли ему выжить?

Троекон. Книга 1: Третий путь

Николай Слимпер

Глава 1: Роковая встреча на холме

Пред человеком всегда есть два зримых пути, и выбор, на какой ступить, остается лишь за ним самим. Но часто так выходит, что в выборе своем неверном винит он всех вокруг, но только не себя.

И если есть возможность, он возвращается в начало и выбор делает иной, в надежде все исправить. Однако и бывает так, что путь второй похуже первого стократ.

Отчаяние порой сдает вот такого человека, и больше он не знает, что же делать, как же быть.

Но часто есть и третий путь, незримый он проходит между двух, и может статься, он единственный лишь верный, но вот найти его непросто, а коль нашел, придется постараться, чтоб сквозь кусты колючие и воды буйные пробраться.

Но все ж, бесспорно, намного проще в начале самом выбрать тот путь, что самым верным окажется в итоге, дабы потом не возвращаться и время не терять. А как понять? Подумать для начала. Бросаться в омут с головой – не лучшая затея.

Составить план, найти дороги, продумать ход свой до конца, и лишь затем пуститься в путь, заранее осмыслив, где свернуть.

Но даже прочертив на карте мира свой маршрут от дома самого порога и до края мира, навряд ли ты учтешь все кочки, ямы, лужи и ненастья, и, мчась во весь опор по проторенной дороге, ты паче чаяния очнуешься можешь в яме выгребной.

***

Эфер был городом совсем и не большим, но человеку, в первый раз вступившему за стену сажений в десяток, он виделся гигантом. словно обычную деревню вдруг разнесло раз в десять вширь, затем такую же вторую поставили здесь храбро сверху. Вот только почему-то грязь решили тоже тут оставить. Казалось, будто он вот-вот и лопнет, недаром некоторые участки стены покрылись венами глубоких трещин.

Айван в свои восемнадцать лет оказался в городе впервые, и еще не меньше провел бы у себя в деревне в Северовесье, кабы не нужда. Нет, не нужда... Желание? Стремление!

На самом деле, он не особо любил свое селение, и всегда грезил покинуть опостылевший край, но одна вещь не позволяла ему все бросить и отправиться в путь, дальше, чем когда-либо кто ступал. За край мира.

Два месяца. Не считая пары-тройки дней. Именно столько Айван провел в городе, хотя надеялся использовать его как отправную точку и двинуться в дальний путь через день, в крайнем случае – два.

Он никогда не был в Эфере, пусть и находился город всего в каких-то трех верстах от Северовесья, если шагать точно на юг, зато слышал поговорку, мол, город – это большая деревня, что и сбило его с толку. Деревня? Ха! Настоящий гадюшник.

– Отродье Бездны, – чертыхнулся Айван, ступив в лошадиный навоз кожаной туфлей. *И откуда только на самом краю дороги лошадиное дерьмо?*

Дешевые туфли и так были все худые, одна даже порвалась неудачно в самом низу сбоку, будто ее подрезал кто нарочно, и Айвану пришлось перевязать ногу подобранными

за швейной лавкой кусками бечевки, которые он связал в одну длинную веревку, отчего кожу теперь нещадно саднило вскочившими мозолями. Лето подходило к концу, и скоро должно было прилично похолодать, а денег на новую обувь не сыскать.

Котомку стащили еще в первый день. Сама она представлялась такой же потрепанной, как нынче и сам парнишка, но ценней всего была не она, а то, что внутри. В общем-то, так всегда.

Два месяца. Айван давно бы уже отправился по намеченному пути, но без содержимого мешка дорога стала для него преградой, коей и стены города не годились в подметки. Почти шесть декад он бродил по узким улочкам, выслеживая местную шайку посаков. За это время он насчитал не менее шести десятков человек, преимущественно дети много младше самого Айвана, после войны оставшиеся без родителей и дома. Это роднило их с Айваном.

За это время его колотили неоднократно. И сами посаки, и торговцы с рынка, которые уличали его в воровстве и причастности к тем же посакам, и зажиточные жители города, которые просто любили колотить людей и хлестать их плетью, проезжая по городу на статных лошадях, что дороже любой местной лавки вместе с продукцией.

Айван и вправду подворовывал еду, но чаще выискивал выброшенные остатки за трактиром или проникал внутрь через задний ход и утаскивал наполовину обглоданные кости или прямо руками вычерпывал остывшую кашу из оловянных мисок посетителей, храпящих прямо за столом от выпитого ранее. От хозяев харчевен тумачков он тоже получал.

Пару раз он даже возвращался в родную деревню, но лишь под вечер, чтобы никто не видел, воровал яйца в курятнике, однажды даже утащил целую курицу. Разводить огонь он умел, благо, огниво он держал в кармане, а потому его не украли вместе с котомкой, а вот готовил плохо. В итоге курица превратилась в полусырой, полусгоревший кусок мяса, который невозможно есть.

Постучи он в любую хату, его бы сытно накормили и даже бесплатно предоставили постель. Но он ушел. Ушел из деревни, громко об этом заявив во всеуслышание, и вернись он обратно, от стыда бы провалился под землю, особенно встретившись с родной теткой.

В городе он обосновался прямо в узком переулке между одним из трактиров и двухэтажным жилым домом. Расстояние между ними было столь малым, что туда не мог пролезть ни один взрослый, зато сам Айван в свои восемнадцать лет выглядел щуплым и низкорослым, ему едва ли давали пятнадцать. Как раз за стенкой располагался камин трактира, поэтому всегда было тепло.

Однажды он умыкнул у одного из спящих в трактире нож с деревянной рукоятью, перекрученной вервием. Нож оказался не ахти, но с его помощью он настругал себе больше десятка тонких деревянных кольшкочков, рассовав их по всей одежде; и пырнуть кого можно, только если в открытый участок тела, плотную одежду не прорежет, и потерять не жалко. Пока ему так и не удалось воспользоваться ими по назначению, чему он мог лишь радоваться. А как конфигары они были бесполезны, он пробовал, чуть без пальцев не остался.

Не так давно он убегал от одного подвыпившего горожанина, который пропил все свои деньги, но завидев Айвана, почему-то решил, что это именно он их у него вытащил. Парень бегал быстрее, тем паче, что по прямой, но вдруг споткнулся и упал. Лишь убедившись, что погони нет, он остановился и задрал короткую тунику и рубаху. Острые кольшкочки впились прямо в кожу, и раны теперь кровоточили. Айван решил повременить с учением на ошибках – лучше выжить, но пораниться, чем умереть, не найдя вовремя под рукой

необходимого оружия, чтобы защититься.

Подлечил его тогда местный травник Мурра, чудом спасшийся во время войны.

– Ты бы поосторожней, – как обычно начал он поучать Айвана, смазывая ранки пахучей зеленой смесью трав. – Если бы не я, кто знает, что бы с тобой было. Раны могли загноиться, а там и до смерти недалеко.

– Хорошо, что ты есть, – благодарно улыбнулся в ответ парень.

– Не всем это по душе, – вздохнул Мурра. – Многие до сих пор считают, что я колдун какой. Темный народ, что сказать. Травы, они ведь прямо из земли растут, я лишь собираю нужные, толку их, кипячу какие нужно, другие сушу, где ж тут магия? Так ведь любого землепашца можно в колдовстве обвинить. А они, представь, ходят к местным лекарям, это которые любые раны либо прижигают раскаленной кочергой, либо говорят, что пописать на них надо. Зубы, вон, клещами выдирают, коим любой кузнец позавидует. Зато не магия. От этих лекарей людей больше померло, чем от самих болезней. У меня никто. И ведь эти самые, которым я помог, ходят еще, понимаешь, и косятся на меня, мол, странно, чего это я не помер, когда как у лекаря точно бы помер. Нашли в чем попрекать.

– Так чего ж ты не уедешь? – спросил как-то Айван.

– Куда? Наездился уже, нашагался вдоволь, на всю жизнь хватит. Как война началась, я сразу подальше, на восток, океан переплыл. И тут достали, не чужие, так свои. Все, дальше идти некуда, я на краю мира. Если, говоришь, в деревню куда, так там людей меньше, да и болеют тоже неохотно, а у меня жена, ребятишек двое, чем я их прокормлю, в деревне этой вашей? Ты вещи-то свои не нашел? – спросил он, помолчав. Айван лишь помотал головой.

– Долго чесаться будет? – спросил он перед уходом, имея в виду раны.

– Терпи. А занозы сами выскочат.

И Айван терпел. С того дня прошла пентада, а он все терпел. По сравнению с остальным, это было ерундой, за два месяца приключалось и не такое. Если бы не Мурра, он давно бы кормил рыб в проплывающей через город реке.

К слову, река Ариста шла от Эфера на север, мягкой шелковой лентой соскальзывая с недалеких гор и протекая совсем рядом с Северовесьем. Жители деревни набирали в ней воду, но строго лишь рано утром, еще до первых петухов, потому что эферцы сливали в реку все помой и грязь, которые уносило течение. Часто даже в нее сбрасывали и тела тех, чьи семьи не могли позволить себе дорогостоящие похороны.

Единственный промежуток времени, когда вода была чище всего, – рано утром, перед тем, как прислуга господ выносит их ночные горшки. Однако сам Айван неоднократно наблюдал, как воду набирают и в иное время.

Всех в городе это устраивало, а на людей в соседних селениях просто плевали. Парень, попав в город, к своему удивлению узнал, что местные жители относятся к «людям за стеной» с брезгливостью, словно то и не люди вовсе. Но больше всего его удивило то, что деревенские об этом знают, однако почему-то забыли сообщить самому Айвану.

Мурра ошеломил его, поведав, что в другое время жители деревни набирают воду за тем, дабы готовить с ее помощью продукты на продажу в город. Да и сами местные недобросовестные торгаши предпочитают набирать воду где угодно, но только не в южной части города, где вода в реке чище всего. Сам Мурра заверил, что берет необходимую ему воду и покупает продукты только там, пусть это и выходит дороже.

«Вот такой вот круговорот помоев», – хмыкнул травник и откусил пирожок с капустой.

На юге зима наступала рано и обычно резко, без предупреждения, словно намеренно желая напугать нерадивых жителей, заранее не пополнивших запасы снеди. Айвану пополнять было нечего и не на что. Все его небольшие сбережения остались в котомке, как и многие другие вещи, вроде гримория и конфигара. Больше всего он жалел о гримории, без которого его путь вел лишь в тупик.

Он сидел на холме за пределами города на пока еще зеленой траве и точил очередной колышек. С каждым новым это давалось все труднее, ибо нож давно затупился, а стащить новый все не подворачивался случай.

Вид отсюда открывался потрясающий, город выглядел чище и благородней, чем изнутри. С вершины холма он казался нагромождением каменных куличиков в круглой песочнице, огражденной стеной от варварских ветров. Лишь почти у самой реки на той стороне картина выбивалась из общей композиции. Король куличиков стоял почти посередине, отличаясь лишь размером, множеством пристроек вокруг и одним единственным остроносым шпилем, заканчивающимся флюгером в виде луны и солнца, и окутавшей его дымкой от каминов.

Вообще, город был построен не в самом удачном месте. С этого самого холма на него открывался превосходный вид, в том числе и потенциальным противникам. Хотя на город если и нападали когда, было это так давно, что никто уж и не упомнит; стены строились на века, но и они уже начали хиреть, кое-где просматривались трещины, а то и вовсе сквозные щели.

Посмотрев с холма чуть налево, можно даже разглядеть Северовесье, а еще дальше до самого горизонта растянулись бескрайние поля, где росли пшеница, овес, рожь и другие злаки. Направо, чуть поодаль, за лесом и ближе к горам, где пролегал западный рукав Аристы, располагался Мельничный уезд, славящийся своими водяными мельницами, ковкой всевозможной домашней утвари и оружия для солдат Эфера. Жители отдавали больше предпочтения первому.

Будь Айван любителем прекрасного, то с достоинством бы оценил открывающийся перед ним вид, но он занимался делом для него куда большей важности.

На верхушке холма угнездились больше каменные глыбы, самый маленький из которых был на целый фут выше Айвана и в три раза шире. Одни стояли вертикально, словно пальцы какого-то каменного великана, другие же опрокинулись, и в таком виде почему-то походили на гробы. Прислонившись к одному из таких перстов, Айван и сидел, усердно затачивая деревяшку.

Проводя очередной раз по почти готовому колышку, нож парня зацепился за невесть откуда вылезшую щепку. Опять. Разъярившись, Айван силой рванул нож и саданул себе по пальцам. Он вскрикнул от боли и выпустил из рук заготовку с ножом. Прижал костяшки пальцев к губам, всасывая и сплевывая кровь. Крови оказалось немного, тупой нож лишь содрал кожу, но все равно больно.

Айвану не хотел по пустякам беспокоить Мурру, а посему он решил умолчать о нелicenseприятном инциденте. *Что он подумает, узнав, что и пентады не прошло, как я снова наткнулся на собственные вилы?*

Он сидел, посасывая пальцы, как вдруг за спиной услышал какой-то шум. Прекратив причмокивать, он вслушался, чуть набок повернув голову – почему-то считалось, что так слышится лучше. Воедино сливалось сразу множество звуков: топот ног, звук металла, чье-то постоянное кряхтение и даже ругательства. Вестимо, кто-то дрался.

Заинтересовавшись, Айван схватил свои упавшие вещи и на четвереньках выполз из-за

глыбы. Сам он дрался не раз, особенно в последнее время, хотя любой другой, наблюдавший со стороны, назвал бы это простым избиением, а вот самому наблюдать серьезную стычку, да еще, судя по всему, на мечах, ему не приходилось. Любопытство так и распирало.

Выглянув из-за лежащего мегалита, он увидел их. Почти на самой кромке леса находилось человек десять. Точнее, девятеро и еще один, отличающийся от них размером и наличием бороды. Он обладал поистине медвежьей статью, дополняющейся подбитой мехом сермягой. В руках кряж сжимал меч, каких Айван никогда не видывал, двуручный, он был шире и длиннее обычного. Будь на его месте любой другой человек, не за что бы ни осилил им махать так, как махал этот бугай.

Пока Айван любовался оружием странного незнакомца, от девятки осталось семеро. Насчет разницы в наличии бороды парень поспешил, так как лица окруживших здоровяка оказались скрыты черной матерчатой маской, закрывающей все ниже глаз. Все как один носили черные же мандиасы до бедер, чьи откиннутые капюшоны ныне подпрыгивали за спинами вслед за нападающими. В руках у каждого мелькал короткий, особенно на фоне меча здоровяка, тонкий меч. В общем, если бы Айвана попросили отличить одного от другого, он бы ни в жизнь не смог.

Он так засмотрелся на всамделишную схватку, что не заметил, как сражающиеся оказались уже совсем близко к каменным изваяниям. Опомнившись, он чертыхнулся про себя и под сенью глыб на четвереньках отполз подальше.

Аккуратно приподняв голову над каменным гробом, он уже мог разглядеть глаза тех, кто был во всем черном, здоровяк же стоял к нему спиной. Сделав вид, что собирается влево, он отпрыгнул вправо, скрывшись за каменным пальцем, и в ту же секунду выскочил и сильнейшим ударом раскроил череп ближайшему нападающему. Фонтаном брызнула кровь, а здоровяк закричал так, что у Айвана свело желудок, а волосы стали дыбом. Только сейчас он увидел его лицо близко и четко, ему показалось, что глаза у человека светятся красным, будто раскаленные уголья.

Здоровяк засмеялся безумным смехом и с новыми силами рванул на противников. Айван вдруг засомневался, кто из них является истинным нападающим, а кто просто пытается защитить свою жизнь. Бугай в сермяге размахивал мечом, словно это бревно, а ловкие воины в черном то и дело пригибались и перепрыгивали через него. Это напоминало игру «Живая мельница», где обычно мужик становится в круг с длинной крепкой палкой и крутится вокруг оси, то поднимая ее, то опуская, а остальные должны уклоняться, не выходя из круга. Последний же оставшийся сам становится в круг, и все начинается сызнова. Вот только в игре можно большее получить ушиб, и редко что-нибудь себе сломать, здесь же на кону – жизнь.

Несмотря на это, воины в черных одеждах продолжали напирать, не жалея сил, а здоровяк, казалось, начал уставать. Он тяжело дышал и шатался от головокружения, меч его все больше опускался вниз, чем целил по головам.

И вдруг Айван вскрикнул, отпрянул и повалился спиной наземь. Прямо у него перед лицом на камень взобралась ящерица. Маленькая и темно-серая в крапинку, с длинным острым хвостом, она появилась, словно из ниоткуда, и так же быстро умчалась в никуда. Парень испугался не столько от неожиданности, сколько от самой пресмыкающейся. Ящерицы, змеи, даже лягушки – все это вызывало у него острую неприязнь и, он почти никому об этом не говорил, липкий страх.

Однажды он купался в реке, и нечто скользкое и безгранично гадкое коснулось его ноги.

Он так быстро помчался к берегу, что чуть не захлебнулся в грязной воде, вдоволь ее наглотавшись, после чего его еще и нещадно рвало. С тех пор он также возненавидел и воду, доходящую выше колен.

Лишь чертыхнувшись и невольно скорчив от омерзения лицо, он вдруг заметил, что и его заметили тоже. Сразу два человека в черных одеяниях медленно направились к нему, сжимая в руках свои короткие и тонкие клинки.

Ноги Айвана сделались словно из травы, едва держащей собственный вес на ветру. Он начал отползать спиной вперед, как можно быстрее перебирая руками и ногами. Иронично, но сейчас ему хотелось стать ящеркой, шустрой, как ветер, убежать, забиться в какую-нибудь норку и сидеть там, пока все не уляжется.

– Я, – залепетал он, – я никому ничего не скажу! Клянусь Богами Четырех Сторон Света. Пожалуйста, не убивайте меня!

На воинов в черном, казалось, это не произвело никакого эффекта. Один из них, подойдя к Айвану, ухватил его за шиворот и одним рывком поднял на ноги. Парень услышал, как рвется его рубаха.

Поднявший его посмотрел на второго.

– Нам не нужны свидетели, – ответил тот, словно решался вопрос не о жизни невинного, а о том, разводиться ли костер трением палки над трутом или же использовать более простое огниво с кресалом.

Айван уже начал молиться Богам, в которых никогда не верил, как вдруг боль в ладонях от сжимаемых с силой ножа и колышка привела его в чувство. Недолго думая, он полоснул ножом по сжимающим меч пальцам убийцы. Тот даже не поморщился, если судить по серым глазам, глядящим на него в упор. Нож оказался так затуплен, что едва порезал стягивающие руку кожаные перчатки.

Убийца в черном нарочито медленно перевел взгляд сначала на свою испорченную перчатку, затем на Айвана, и двинул ему кулаком в лицо, отчего у того тут же зашумело в ушах, и он, сделав шага два назад, инстинктивно пытаясь сохранить равновесие, упал навзничь.

Айван лежал и стонал от боли в челюсти, с трудом осознавая, что сейчас было, что вообще происходит. Он перевел взгляд на правую руку, из которой выпал нож, затем на левую. Каким-то чудом почти завершенный чуть сплюснутый колышек все еще покоился в ладони. Вряд ли он был полезней железного, пусть и затупленного ножа.

Был лишь один выход.

Айван вскинул колышек, направив его на неприятеля, и чуть ли не скороговоркой проговорил:

– Гифаруй моэ солиос хетус гнисон

Гифарой фурама сеф ипсе

Йаг диарасий зик гнисам омес мефир

Эт чизерий хостерос мэа сэв драх

Ничего не произошло, не считая того, что убийца остановился, оглянулся на приятеля, и они оба рассмеялись, словно не слышали шутки смешнее. *В прошлый раз палка хотя бы взорвалась*, зло подумал Айван, а затем вспомнил слова отца. *Эмоции очень важны*, говорил он, *но в меру. Контролируя свои эмоции, ты контролируешь себя. Не позволяй перехватить контроль другим, иначе они победят, а ты проиграешь*. Он не любил проигрывать, и Айван перенял эту черту у отца.

Закрыв глаза, он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Вновь распахнув веки, он начал читать заклинание с начала, на этот раз медленнее и размереннее, проговаривая каждое слово, словно пробегаясь по нему пальцами, ощущая каждую выемку и завиток, он чуть ли не представлял слова древнего магического языка парящими перед ним в воздухе, горящими от переполняющей их энергии мира. Челюсть все еще болела, но нужно терпеть.

Убийцы прекратили смеяться, как только заметили точку света, медленно разрастающуюся на кончике колышка, который также медленно начал нагреваться изнутри. Точка разрослась до размера арбуза, и прежде, чем люди с оружием успели хоть что-то предпринять, Айван интуитивно взмахнул самодельным конфигаром, посылая шар огня в обидчиков.

Взрыв оказался столь колоссальным, что Айвана, все еще сидящего на земле, просто отбросило назад. Пахнуло жаром в лицо, и он перекатился через голову, сделал кувырок и ударился затылком о каменную глыбу. Из глаз посыпались искры, хотя их хватало и без того.

Полежав с полминуты и подождав, пока шум в голове хоть немного утихнет, он приподнялся на локтях. Противников словно ветром сдуло. Или взрывом. С трудом поднявшись на все еще шаткие ноги и держась за каменного гиганта, Айван обвел взглядом вершину холма.

Находящиеся ближе всего глыбы почернели от взрыва, трава в эпицентре выгорела дотла. Подняв взгляд выше, он увидел тела. Двоих, что стояли ближе всего, отбросило на добрые три сажени. Один лежал теперь за опрокинутым камнем лицом вниз, затылок его был весь в крови, второму же, в которого попал шар, досталось еще больше. Его буквально разорвало. Айван разглядел лишь дымящиеся опметки тела, одной руки и одной ноги не хватало.

Не выдержав зрелища, его вырвало. Он упал на четвереньки и, содрогаясь всем телом, избавился от всего скудного обеда, что добыл в отбросах. Боль заставила его взглянуть на левую руку, в которой он держал самодельный конфигар. Рука, вплоть до запястья, покраснела, кое-где набухли волдыри, ногти на большом и указательном пальцах почернели, зато и ранки от ножа прижгло. Айван сразу вспомнил, как Мурра отзывается о прижиганиях. И правда, прикладывать изжеванную траву куда менее болезненно.

Пошарив взглядом по траве, он нашел обугленную почти до середины деревяшку. О щепках можно было больше не беспокоиться.

Огненный шар – не лучшее заклинание для самозащиты, тем паче на столь замкнутом пространстве и на таком расстоянии, но это единственное боевое заклятие, которое Айван помнил точно, остальное было в украденном гримории. Да даже будь она у него с собой, вряд ли бы ему позволили найти нужный магический стих и зачитать его. Да еще и значение каждого слова надо знать, а переводить времени и вовсе не оставалось.

Хорошо хоть энергии оказалось вложено не так много, иначе можно было и вовсе остаться без руки, а то и без головы.

– Эка ты меня выручил, – раздался вдруг низкий басистый голос. Айван подскочил как ужаленный, морщась от боли в голове, – о камень он приложился тоже не слабо.

Здоровяк в подбитой не по сезону мехом сермяге медленно поднялся на ноги, держась одной рукой за упавший монолит, а второй за голову. Огляделся, щуря одним глазом и тяжело дыша. На том месте, где он упал, остался кровавый след. Он был ранен, причем серьезно. Одежда его слегка дымила, мех подгорел.

Трое людей в черном, оставшихся с ним, лежали рядом. Один, валяющийся дальше всех,

вдруг зашевелился и застонал. Бугай неожиданно встрепенулся, выкрикнул нечто вроде гортанно «гха!», рывком оказался возле раненого и всем весом обрушился сверху. Удары кулаками так и сыпались на беднягу, и все по лицу. Брызги крови разлетались при каждом ударе и замахе. От очередного зрелища чрезмерного насилия Айвана вновь врывало, но теперича одной лишь жгучей желчью.

Унявшись, он полез за пазуху здоровой рукой и достал оттуда новый колышек, направив его на незнакомца. Руки его дрожали, как, в общем-то, и ноги, поэтому вряд ли он выглядел устрашающе, но коль здоровяк не дурак, смекнет, что воеже колдовать, не обязательно твердо стоять на ногах.

Вот только колышек был бесполезен. Айван не знал, как это ему удалось сотворить вполне неплохой огненный шар, если раньше у него таковое не получалось, да и не должно было. Но второй раз вряд ли удастся, да даже если и удастся, повторять подобное совсем не хотелось. Но бугай-то об этом знать не знает, а значит, может струхнуть и обратиться вон подобру-поздорову. Главное, чтобы не в город.

Поднявшись вновь на ноги, здоровяк осмотрел дело своих окровавленных рук, сплюнул такой же кровавой слюной, и только затем оглянулся, чуть пошатываясь и тяжело дыша.

– Нандин, – сказал он, даже не обращая внимания на сжатый в руке Айвана колышек.

– Что?

– Эт имя мое. А тебя как звать?

– Зачем Вам?

– Ну как, должен же я знать имя своего спасителя.

Спасителя! Айван и не собирался никого спасать, кроме самого себя. Раньше он никогда никого не убивал, да и нынче тоже не собирался, просто так вышло. Он лишь хотел их всех напугать, оглушить, ранить, в конце концов, но никак не убить. Этот Нандин был для неопытного мага таким же опасным незнакомцем, как и люди в черных одеяниях, и если уж так получилось, что они погибли, было бы куда лучше, кабы здоровяк отправился вслед за ними.

Но он жив, пусть и ранен, и что делать дальше, Айван решительно не ведал. Убить его он не мог не только потому, что второй колышек и вправду мог сработать не так, как надо, и заодно погубить и самого парня, но еще и потому, что он не был убийцей, по крайней мере, сознательным.

Нандин поднял взгляд. Его глаза словно и взаправду светились изнутри каким-то красноватым огоньком, но с того места, где стоял парень, невозможно было разглядеть, лопнувшие ли это сосуды, просто отражение лучей солнца или же они и всамделишно имели столь диковинный оттенок.

– Ничто так не отрезвляет, как смерть, – неожиданно сказал он. – Ты когда-нибудь до этого убивал?

– Н-нет, – ответил Айван, сам не зная зачем.

– Я так и думал, – покачал он головой. – Опусть ты свою палку, колдун, я ничего тебе не сделаю. Только скажи, вон там, – он указал рукой на юго-восток, откуда поднимался дым из невидимых отсюда труб, – это город?

– Да. Эфер. Нандин задумался, скребя густую черную бороду, окропленную кровью и слегка подпаленную.

– Ладно, – выдохнул он, – свое имя ты мне не скажешь, пусть, но я не забываю тех, кто мне помог и не люблю оставаться в долгах. Я побуду в городе некоторое время, и если тебе

что-то понадобится – что угодно, – найди меня. – Сказав это, он подобрал с земли свой меч, поискал взглядом что-то на земле, но так и не найдя, снова плюнул, забросил огромный клинок на плечо и, слегка пошатываясь, направился в сторону Эфера.

– Эй, – окликнул Айван его. – А как же эти? – он указал колышком на трупы. Нандин въедчиво осмотрел каждое распластанное на земле тело и просто ответил:

– Ничего, не замерзнут.

Айван вдруг подумал, что явись этот бугай в таком виде в город, его тут же схватит стража и отправит в темницу, ну, или попытается. Городской Совет, как он слышал, в Эфере не ведаёт жалости к преступникам, что было несколько иронично. Если бугая схватят, то выбьют из него всю интересующую их информацию, в том числе и о колдовстве Айвана. Допустить этого было категорически нельзя.

Поняв, что Нандин не станет его убивать, парень убрал за пазуху бесполезный колышек, вздохнул и догнал здоровяка, однако держась от него на некотором расстоянии.

– Эй, – вновь окликнул он его, – ты так и пойдешь?

– А как я еще должен идти?

– Я не в том смысле. Если тебя увидят, всего в крови, с мечом наголо, то тут же схватят. Стража Эфера, может, не такие... мастера клинка, но их много, и у них есть луки с арбалетами.

Нандин остановился и снова потер бороду. *Быстротой ума он точно не отличается. Однако это не мешает ему сражаться, словно дикий зверь.*

– Что ж, волшебник, рассуждаешь разумно. И что ж ты предлагаешь?

– У меня в городе есть знакомый травник, – подумав, ответил Айван, – я могу отвести тебя к нему, он тебя осмотрит, заодно и одежду слегка почистишь. Нандин счел сию мысль дельной.

За два месяца шатания по городу, Айван выучил все улочки и закоулки, каждую трещину и щель, в какую можно просунуть хотя бы руку, а посему повел нового знакомого к одной из таких широких щелей, где должен был пролезть даже такой здоровяк, как Нандин.

Айвану путь был заказан лишь в одну часть города – восточную. Именно там обосновалась гильдия посаков, промышленяющая мелкими кражами и карманничеством. Об этом знали все в городе, но властям на подобное по большей части было плевать, так как воруют-то не у них, а налоги так и так идут в казну, покупает товар в лавке купец, честный обыватель или беспризорный мальчишка с запачканным рыльцем. Деньги есть – милости просим.

Вот только Айвану, который в первый раз оказался в городе, об этом знать было неоткуда. Не успел он и глазом моргнуть, как остался без вещичек и денег. Хорошо хоть не прибили.

Как оказалось, щель для здоровяка оказалась не столь широка, как рассчитывал парень. Он и левым боком, и правы, все без толку.

– Может, сермягу снять? – предложил Айван.

– Ай, и точно, – шлепнул себя по лбу Нандин.

Под выдавшей виды сермягой у него оказалась плотная безрукавка из кожи, из-под которой выпирал серый камиз, заправленный в добротные хлопчатые штаны. Пусть на улице и не стояла жара, но одежда явно носилась не по погоде, слишком уж теплая.

С горем пополам, но он все же пролез, кое-где оцарапавшись, а где и порвавшись, но на общем виде это никак не сказалось.

Нандин было надумал вернуть сермягу на свое мясистое тело, но Айван его осадил: «Ты лучше выверни ее наизнанку и укутай в ней меч, всяко лучше, чем в таком виде». «Голова», – одобрил кряж.

Под сермягой тоже была кровь, но лишь самого Нандина, как и на штанах, которые снять или заменить не было возможности, но если не присматриваться, то она сходила за простецкую грязь, коя также имелась в избытке.

Улочками и безлюдными дворами, они добрались до дома травника, как раз к заднему ходу, так как главный выходил пусть и не на самую оживленную улицу, но люди там хватало.

Айван постучал тремя условными стуками. Условными они, в общем-то, и не были, парень зачем-то сам для себя их таковыми назвал, зато Мурра всегда знал, что это пришел именно он.

Послышались неспешные шаги, потом звук открывающегося засова, а через секунду из приоткрытой дверцы высунулось слегка веснушчатое лицо травника с кудрявой головой. Углядев старого пациента, он открыл дверцу пошире, но подняв взгляд на Нандина, вдруг нахмурился и отступил на шаг.

– Привет, Мурра. Ты можешь нам помочь?

– Кому это – нам? – настороженно спросил тот.

– А, это Нандин, я его... в городе увидел, он лекаря искал.

Айван вдруг понял, что пока они шли, ему даже не пришло в голову придумать правдоподобную легенду. Не говорить же ему, что он спас этого здоровяка от убийц в черном с помощью волшбы! Мурре Айван, конечно, доверял, но не до такой степени. Не хотелось бы назавтра плясать гопака на раскаленных поленницах.

Нандин, однако, как заметил нерадивый маг-недоучка, сообразительностью ума не отличался, и легко мог одним неосторожно оброненным словом проложить ему мощеную дорожку на костер.

– Так оно и было, – неожиданно подтвердил здоровяк. – На меня бандиты в лесу напали.

– Да? – недоверчиво протянул Мурра. – А как же ты тогда в городе оказался, пройдя меж стражи, да еще и с тесаком таким? – он указал на торчащий из сермяги меч.

– Да брось, Мурра, ты же мне не раз помогал.

– У меня и деньги есть, коли нужно, – подал голос Нандин, полез рукой за пазуху, вдруг замер, заморгал, словно ничего не видя, и повалился ничком, едва не задавив стоящего перед ним Айвана.

– Отродье Бездны! – чертыхнулся Мурра, и, забыв об опасениях, сбежал с лесенки, не без труда перевернул тело и приложил пальцы к шее. – Надо его в дом занести, а то еще увидит кто.

Так и сделали. Нандин не только был огромным, но и весил соразмерно, из-за чего на то, чтобы затащить его в дом, потребовалось минут десять. Переложить его на узкий деревянный топчан и вовсе оказалось непосильно, поэтому было принято решение оставить здоровяка лежать прямо на полу. Мурра принес какой-то узкий тюфяк, чтоб помягче.

Сняв всю верхнюю одежду, травник приступил к лечению, обтирая раны чистой водой и смазывая смесью пахучих трав.

– Ты хоть знаешь, кто это? – спросил он у Айвана.

– Нет, а это важно?

– Его брата называют берсеркером.

– Кем-кем? – не понял Айван. Для него это слово звучало тарабарщиной.

– Они живут на Большом Континенте, в Шаджаре. Во время войны четырехлетней давности, они выступали на стороне так называемой Неживой розы. Сиречь воевали против магов.

У Айвана перехватило дыхание. Теперича он еще больше желал, чтобы этот здоровяк умер, еще там, на холме. *Может, все же стоило рискнуть?* – подумал он про себя, нащупывая под туникой колышек. Поздно ждать молока, коли корова издохла.

– Так значит, у него и правда красные глаза? Мне не показалось?

– Обычно у них глаза лишь слегка красноватые, даже бледно-красные, но когда они впадают в неконтролируемую ярость, их радужки словно светятся изнутри цветом рубина. А еще у них более развитые клыки, словно у хищных животных. – Мурра наклонился и без стеснения раздвинул губы спящего здоровяка, обнажая мощные челюсти с верхними и нижними клыками, при этом верхние были чуть побольше.

Айван сглотнул. Есть ли в этом берсеркере хоть что-то человеческое, помимо общего облика? Такими зубами не каждое животное способно похвастаться, а про жестокость в бою и говорить не стоит. А вдруг у него под густой бородой, например, вторая нижняя челюсть или вообще второй рот? Вряд ли, Мурра бы сказал.

– А может того, не будешь ты его лечить? – сглотнул парень.

– Как это – не буду? – удивился Мурра. – А на кой ты его тогда притащил?

Айван замялся. Рассказать или нет? А если сдаст? Вот этому вот и сдаст. Парень не сразу спохватился, что тот и так уже все видел и знает, однако не убил, хотя мог. Или жизнь он ему оставил в качестве платы за спасение своей? Так ведь сам говорил, чтобы Айван в случае чего его нашел и потребовал, чего хочет.

Или же игрался просто? Мол, расслабься, хватать и на костер вести я тебя не собираюсь, а как только он расслабится, раз, за шиворот да в застенки, кандалы на руки-ноги и горячая метка на лоб, дожидайся палача. Вот только Нандин этот сообразительностью не отличался, и коли хотел поиграть, выбрал бы игру попроще.

Так или иначе, сейчас он был беспомощен как котенок, большой такой котенок с бугристыми мышцами. Только сейчас, когда Мурра стер с него всю кровь, он заметил, что все тело здоровяка просто пестрит шрамами и рубцами, одни были белесыми, другие наоборот, горели красным.

– Я ж не знал, что он этот...

– Берсеркер, – подсказал Мурра.

– Вот-вот.

– Так войне ж в следующем месяце четыре года как, да и один он, а они обычно кулаками ходят. И чего нам пугаться? Ты колдовать умеешь?

– Н-нет... – ответил Айван, запнувшись от неожиданности вопроса.

– Вот и я не умею. Так что бояться нам нечего.

Бояться нечего. Есть чего. Мурра сам говорил, что его некоторые за колдуна принимают, злые языки, коль узнают о Нандине, могут столько ему наговорить, что у того и сомнений не останется, что тот занимается магией. Айван спас ему жизнь, да, а Мурра... И Мурра спасает. Но хватит ли у сего берсеркера благодарности сразу на две души?

Меж тем травник закончил с ранами спереди и теперь вместе с парнем переворачивал кряжа на живот. Ран на спине оказалось поболее, весь тьюфяк пропитался кровью, хоть выбрасывай; Мурра так вздохнул, что в этом не осталось сомнения.

Так провозились до самого вечера. Порезов и рваных ран оказалось столько, что даже

запасливому Мурре пришлось в срочном порядке готовить новые травяные снадобья и настойки, поелику готовые закончились.

Лавку пришлось закрыть намного раньше, и кто знает, сколько сегодня людей осталось без травнической помощи. Немного. Дела у травника шли все хуже и хуже. Старые клиенты уходили к лекарям, работающим раскаленными кочергами и щипцами, и зачастую обратно не возвращались уже никогда. Зато без магии.

Несмотря на это, деньги у травника все же водились. Мурра не говорил, Айван не спрашивал.

– Будь он обычным человеком, – подал травник уставший голос, – помер бы еще на подходе к городу. Берсеркеры крепче любого человека. Живучие, гады.

– Почему – гады?

– Да так, – отмахнулся Мурра, – просто к слову пришлось.

Они сидели на полу, прижавшись спиной к топчану. Даже хорошо, что они не решились затаскивать Нандина на него, тюфяк можно набить новый, а вот топчан денег стоит.

Обычно к Мурре такие серьезные пациенты не заглядывают, лишь те, у кого что-то болит, а если и забредают раненые, то лишь ночью, когда лекари не работают, и хоть ты прям под дверью ляг и умри, не выйдут и не помогут. Да и долго это, топить камин и раскалять железки. Не стоит забывать и о боли, которую мало кто переносит стоически.

– И что ты собираешься делать дальше?

– В смысле? – не понял Айван.

– Ну, как. Оставить его здесь я не могу, как я объясню его появление своим посетителям? Город городом, но слухи расходятся здесь быстро. Лишнее внимание властей мне ни к чему. По доброте душевной помочь, я тебе помогу, но если ты постоянно будешь приводить ко мне незнакомцев...

Айван потупил взор. Он об этом даже и не подумал. Мурра ему ничего не должен, даже наоборот. Он лишь не хотел, чтобы Нандина задержали стражники и начали допрашивать.

– Извини. Просто я не знал, что еще делать.

– Ладно, забудь. Просто в следующий раз сначала думай, а потом действуй.

Вот и отец так говорил, подумалось Айвану. Вот только он его почти никогда не слушал. Жалеет ли он? Иногда, особенно в те моменты, когда с ним приключаются напасти, навроде тех, что произошли на холме, и лишь вовремя вспомнившиеся советы могли бы это отвратить, однако вспоминались они почему-то уже после, и то не всегда, столько времени уже прошло.

– Что у тебя с рукой? – неожиданно спросил Мурра. Айван растерялся, он все это время пытался прятать ожог в рукаве, что было не так-то просто, рука зудела невероятно. Как и в случае с Нандином, заранее он ничего не придумал. *Сначала думай. Просто думай!*

– Это... Да так, случайно обжегся, когда костер разводил.

– Зачем тебе костер посреди города? И разве ты не мастак в этом?

И чего он такой дотошный? И Нандина все расспрашивал, пока тот не грохнулся. А что, это вариант!

– Да я... нашел хлеб. Он черствый немного, я и решил его поджарить, да вот, не заладилось. А говорить как-то неловко было.

– Этот же костер тебе и по лицу заехал? – усмехнулся травник, осматривая синяк на скуле.

Айван решил, что сейчас он еще спросит, где именно был найден хлеб, где он теперь

и получилось ли его таки поджарить, но вместо этого травник просто встал, нашел среди своих припасов баночку и принялся смазывать руку мазью, от которой ожег и содранную кожу тут же начало щипать. Насчет содранных костяшек он тоже промолчал.

– Все, – выдохнул Мурра, завязывая последний узел на перевязанной руке. – Не снимай и не мочи три дня, потом придешь, я сделаю перевязку. Так, а теперь задери рубаху, мне надо взглянуть на порезы.

Раны от порезов продолжали слегка пощипывать, но не беспокоили. Вся мазь под повязками давно засохла и стерлась, бинты съехали и ослабли.

– Я ведь говорил тебе зайти пораньше.

– Да я... так. Все времени не было.

– И чем же это ты был занят, беспризорник? Ладно, не важно. Раны заживают лучше, чем можно было подумать, мазь работает.

Мурра снял ненужные повязки и скомкал их, дабы в дальнейшем прокипятить и использовать вновь. Кипятить придется долго.

Айван не заходил к травнику в основном потому, что боялся. Раны на магах, как разъяснил ему отец, заживают куда быстрее, чем на обычных людях, не обладающих колдовским талантом, даже болезни и те словно обходят их стороной.

За эти два месяца парень заходил к Мурре всего пять раз (этот можно считать шестым), и после каждого такого визита отсутствовал около декады, в зависимости от тяжести ссадин и порезов. Такие раны у него заживали до безвредного состояния дней за пять-шесть, иногда дольше, и приходя к травнику через десять дней, тот списывал все на действие своих чудотворных снадобий и настоек, а затем неумолимо корил Айвана за небрежное отношение к здоровью.

Сам парень не раз намеренно снимал повязки и избавлялся от мазей раньше срока, а то и вовсе чесал и раздирал покрывшиеся струпьями ранки, и все ради предотвращения слишком быстрого заживления. Лучше помучиться сейчас, чем чуть позже на пытках, а затем и на костре.

Нынче же, по иронии судьбы, именно тот неумелый магический взрыв спас его от разоблачения, обновив парочку порезов. Вот и Мурра в очередной раз списал все на свои умения травника, которые многие, в свою очередь, списывают на волшбу.

Темнота. Если бы все был так просто.

Обычно Мурра не позволял оставаться у себя на ночь, даже Айвану. *У меня не постоянный двор*, говаривал он, и часто добавлял: *мало ли что*. Парень до сих пор не знал, что он под этим подразумевал. Травник бесплатно его подлечивал и иногда давал еды, а о большем просить было как-то неуместно.

Теперь же он разрешил остаться, наказав присматривать за берсеркером. *Мало ли что*. Почивать пришлось на топчане, который использовался для ухода за больными, и Айван все боялся, что и сам чем-нибудь заразится, хотя Мурра и уверял, что это невозможно.

Без сна он провалялся почти до самого утра, все думая о случившемся. Слишком много свалилось сразу. Нандин сказал просить у него все, что Айван пожелает, но действительно ли прямо все? Или это так, для красного словца?

В животе урчало от голода. Он не ел с прошлого скудного обеда, который остался на холме, а все его припасы остались в узком переулке между домами, где он обычно спал. Днем он даже и не вспомнил о еде, помогая обрабатывать раны Нандина, и теперь ему это

аукнулось. А Мурра даже и не подумал ему предложить хотя бы воды с хлебом.

Заснул он лишь под утро, и проспав успел от силы часа три, может, четыре. Проснулся он от какого-то грохота. Кто-то бегал, что-то кричал. Скрипели половицы, что-то упало. Айван испугался, что за ним пришла стража, а то и хуже – Викаранай! Использовать магию? Не поможет, один огненный шар ничего не решит, только лишь подтвердит его сущность.

Но как шум начался, так и затих. Только сейчас парень заметил, что тюфяк пуст, Нандина не было. Не успел он подойти к двери в общую комнату, как та распахнулась, ударив о стену, внутрь, пригибая голову, вошел кряж, а за ним следом Мурра.

– Что случилось?

– Да ничего, – ответил травник немного раздраженно. – Жена моя увидела вот этого, – он кивнул на Нандина, – да испужалась.

– Настоящего мужика никогда не видела, – добавил здоровяк, – вот и испужалась. А она ничего у тебя, бойкая, не успел я опомниться, а она меня уже веником стегает, как котика какого беспризорного.

Айван представил себе эту картину и чуть не рассмеялся. Таких котов не бывает, а вот медведей полно.

– Тебе вообще вставать не следовало, – попрекнул его Мурра, – тем паче ходить.

– Да я уже в порядке. Здоров аки бык. Это ты меня подлатал? Благодарен, благодарен. Вот, – он полез за пазуху, – я обещал рассчитаться, в долгу быть не люблю.

– Я уже взял за лечение, не надо, – отмахнулся травник. – Ты вот что, иди-ка лучше на постоялый двор, там и покормят, и постель предоставят, коли надо. Денег, я заметил, у тебя предостаточно. Не бойсь, лишнего не взял, можешь пересчитать.

– Зачем же? Я верю. Ну, поесть мне действительно не помешало бы, – Нандин похлопал себя по пузу. – Да и спасителя своего не забуду.

Айван и правда был голоден, и с самого начала корыстно надеялся, что кряж его покормит или даст денег какую, но не в уплату «спасения», а по доброте душевной. Если они у него есть: и добро, и душа.

– Зачем сразу постоялый двор? – раздался голос за спиной. Это оказалась жена травника. Дородная, но все же не толстая женщина лет сорока, в фартуке и белом чепце. Внешность портила лишь большая круглая родинка на самой переносице. – Через полчаса завтрак будет готов, присоединяйтесь.

– Мина.

– Что – Мина? Я так отлупила человека ни за что не про что, что аж стыдоба берет. И ты тоже молодец, ни слова, ни полслова, откуда ж я знала, что у тебя пациенты?

– Мина, – повторил Мурра уже с нажимом.

– Я уже сорок лет – Мина. Я все сказала, через полчаса выходите за стол.

Так и сделали. Айван удивлялся богатству стола, в основном уставленный овощами и фруктами, на нем нашлось место и жареной рыбе, политой лимонным соком и обложенной сельдереем, и картофельному супу со щавелем и морковкой, а самое главное – хозяйка заявила, что скоро будет готов и ягодный пирог. Также стоял глиняный кувшин с молоком, хотя ни коровы, ни козы у них не наблюдалось, и бутылка дешевого на вид, но все же вина.

Неплохо для травника, у которого с каждым днем все меньше посетителей. Вряд ли его жена загодя заготовила все эти харчи, заранее зная о возможных незваных гостях. Тогда что же, они так каждый день питаются?

За столом, помимо Айвана, Нандина, Мурры и его жены Мины, сидели еще и двое их детей, которых парень доселе не видывал ни разу: мальчик лет семи, и девочка года на два постарше. Мурса, что значит – сын Мурры, и Минда, что значит – дочь Мины. С фантазией у этой семейки было все в порядке, правда, если эти двое решат когда-нибудь завести семью, им придется постараться, чтобы найти подходящее имя своим детям.

Мурса ел, не переставая пялиться на берсеркера, глаза его светились любопытством и задором, какой бывает у мальчишек, когда они видят кого-то, на кого хотят походить в будущем; Минда же больше глазела на Айвана, и глаза ее тоже светились, но по иным причинам.

Молодой маг сидел, не отрывая взгляда от еды и стараясь не смотреть на девочку. От натуги он весь покраснел, как если бы силился что-то наколдовать, хотя отец и говорил всегда, что напрягаться для этого вовсе не нужно.

Неловкое молчание прервала хозяйка дома:

– Вы же берсеркер, верно? – обратилась она к Нандину.

– Мина! – с нажимом протянул Мурра, но жена лишь отмахнулась.

– Ничего-ничего, – усмехнулся здоровяк. – Да, я берсеркер из Шаджары.

– А что же вы забыли так далеко от дома?

– Минлебика, прекрати, может человека не хочет об этом говорить.

– Честно говоря, – протянул Нандин, – я и правда предпочел бы об этом умолчать.

Давайте считать, что я здесь просто мимоходом.

Айван слушал молча, то и дело переводя взгляд с Мурры на его жену, а с нее на Нандина. Мурра нервничал, явно желая поскорее избавиться от подзадержавшихся визитеров, Нандин чувствовал себя как дома, подъедая все, до чего мог дотянуться, хозяйка же вела себя как ни в чем не бывало, словно привыкла принимать столь необычайных витальников.

Все насытились вдоволь. Айван не питался так долгие месяцы, то есть два, хотя казалось, что много больше. Мурра то и дело ненавязчиво намекал на скорейший отход гостей, пока Нандин все же не понял это. Хозяйка дала им с берсеркером в дорожку немного снеди, хотя глупый здоровяк отнекивался как мог, уповая на то, что его и в постоянном дворе неплохо покормят, коли будет надо. *Это ты там будешь питаться, словно барин*, подумал Айван, *а мне завтра вновь возвращаться к обедкам*.

Когда Нандин уже вышел за порог, Мурра остановил Айвана, положив ему руку на плечо.

– Я бы на твоём месте не стал сильно доверять берсеркеру, – сказал он шепотом.

– Почему? – подивился парень.

– Просто совет на будущее.

Ничего не понимая, Айван вышел вслед за кряжем со смешанными чувствами.

– Добротная хозяйка, – причмокнул Нандин, потирая сытый живот, – кухарка что надо!

Айван промолчал. Первым начинать разговоры вообще было не в его привычках, а потому он лишь ждал, когда кряж вспомнит о нем и о своем обещании.

Вдруг впереди, в самом конце переулка замаячили белые одежды. Айван так резко дернул за рукав Нандина, что чуть не оторвал его, но даже не сдвинул здоровяка с места.

– Стой! – прошипел он сквозь зубы и скрылся за углом. Берсеркер повременил, но все же последовал его примеру.

– В чем дело?

– Ты разве не видел? Там рыцари Викараная!

– Что? – поразился здоровяк и выглянул из-за угла. – Я ничего не вижу.

– Потому что они уже прошли, – раздражительно прошептал Айван, едва не добавив – «тупица».

– Так далеко на юге Континента Орла? Что им здесь надо?

Вестимо, разыскивают магов. На самом деле, он никогда раньше не видел викаранов, лишь слышал об их бесчинствах от гастролеров и бродячих артистов, которые, узнавая, что белоплащников нет поблизости, тут же начинали петь про них скабрзные песенки или читать язвительные стишки, а то и вовсе устраивали целые костюмированные представления. И везде викаране выставлялись подлецами и жестокими палачами, убивающими ни в чем не повинных людей, принимая их за ведьм и колдунов, а то и вовсе за порождения Бездны, что для них одно и то же.

Айван мог бы ошибиться, мало ли кто таскает белые плащи, но вот нагрудный символ троекрестия носят лишь рыцари-викаране, и никто более, а иначе чревато. Его маг-недоучка видел так же четко, как сейчас свои трясущиеся от страха руки.

– Они пришли за мной, – пролепетал Айван, едва шевеля одеревенелым языком. Ему казалось, что вся съеденная им давеча пища вот-вот полезет наружу вместе с бешено колотящимся сердцем.

– Да ну, – отмахнулся Нандин. – Там на холме окромя убийц, нас да камней никого не было. Мы с тобой здесь, а убийцы теперь не болтливей тех же самых изваяний. Если они кого и ищут, то меня.

– А ты разве тоже маг?

– Маг? – он усмехнулся. – Нет, здесь только один маг – ты. Я хуже, много хуже, поверь.

Берсеркер. Айван знал об этом человеке лишь это. Кто он? Что он забыл так далеко от родного дома? Его пытались убить те люди в масках, но вряд ли они принадлежат к Викаранаю, но теперь здесь и рыцари. Слишком многие охотятся за этим здоровяком. Сначала Айван думал, что угроза таится в самом Нандине, но теперь понял, что это лишь половина истины.

Стоит ли это якшанья с ним? Пожалуй, что да. В любом случае, у Айвана с собой не было колдовского добра, и предъявить ему было нечего. Однако если его увидят в компании Нандина, это точно запомнится всем, ведь такого здоровяка с огромным мечом трудно не заметить, даже здесь, на юге. Парень, которому на вид лет пятнадцать, подле него будет не менее приметным.

– Если они ищут тебя, – начал Айван, облизнув пересохшие губы, – то в первую очередь будут обыскивать постоянные дворы и харчевни.

– Да, ты прав. И что же делать?

– Помнишь, вчера, когда я тебя спас, ты сказал, чтобы я просил все, что захочу? Обещание еще в силе?

– Обижает, – надулся кряж еще больше, – шаджарцы всегда держат слово. Так что, надумал что-нибудь? Только учти, сражаться с Викаранаем я не намерен.

– Нет-нет, у меня другая просьба. Но подрачься, возможно, все же придется.

Глава 2: Искания

Эфер оказался очень маленьким городом, да еще и грязным, словно здесь жили дикари откуда-нибудь с юга соседского Большого Континента, и пусть до него были сотни и сотни миль, юг есть юг. Самое место для беглых магов, не покинувших сердца Троекона.

И все же Лютер очень сомневался, что здесь отыщется хотя бы с десяток волшебников, слишком уже те были чистоплюями, привычными к роскошной жизни за чужой счет, любящими насмехаться над честным народом, сидя где-нибудь в замке и насылая бедствия. Они продолжают делать это и сейчас, вот только пока их не достать на тех проклятых островах. Но все меняется. Рано или поздно.

– Ненавижу юг, – посетовал Лютер.

– Совершенно согласен, Ваше Боголюбие, – смиренно отозвался Войтос, прислужник Лютера. И не в первый раз. Еще не ступив на земли Протелии, молестий уже начал жаловаться на промозглость и холод, а ведь на дворе все еще стояло лето, пусть и самые последние его дни.

Лютер был человеком гордым и суровым, таким, каким и принято быть викарану, вот только он явно перебарщивал. Каждый, кто вглядывался в его волчьи глаза, тут же забывал о своем намерении солгать или просто спорить. Обычно все шло так, как он того хотел, и когда этого не происходило, он из просто сурового превращался в свирепого.

Но никто ему об этом, естественно, не говорил. Не считая вышестоящих.

Будучи молестием, он побывал на всех трех континентах, охотясь на каждого, кто хоть немного имел колдовской талант, а затем безжалостно выбивал из того признание и казнил на месте, благо он обладал такими полномочиями. Но жаждал он намного большего, однако удача была не на его стороне. С окончанием войны его шансы на продвижение вверх резко сократились.

За четыре года в Викаранае он от ученика перешел к молестию, и то лишь за прошлые военные заслуги. Да, он командовал рыцарями-викаранами, да, при определенных условиях мог взять главенство и над самим наместником, но, так или иначе, был слишком далек от реальной власти. Оставалось лишь исполнять приказы и ждать подходящего случая.

В Эфере лучшим постоянным двором оказался тот, что в любом другом городе зовется худшим, а то и вовсе закрывается, но выбирать не приходилось. Лютер и его люди привыкли к лишениям за время похода, ночуя то под сенью деревьев, а то и вовсе посреди поля. С той стороны, откуда подходил их отряд, как раз разлеглись одни поля да холмы, виляющие между гор. Чтобы успеть в город до наступления темноты, нужно было поспешить, но из-за вездесущих холмов лошади быстро выдохлись, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз по скользкой траве. В итоге за стенами они оказались уже за полночь.

Город с первого взгляда поразил своей отсталостью. Война досюда не дошла, а посему местные правители не озаботились хотя бы подлатать окружающую Эфер стену, не говоря уже о подготовке войска или обновлении оружия. Единственное, что могло остановить потенциального противника, – дряхлый каменный мост в нескольких десятках милях северо-западной, крошащийся под копытами лошадей. Отряду из тридцати человек пришлось идти через него цепочкой друг за другом, опасаясь обрушения.

Северные врата оказались открыты настежь, а одна из створок едва держалась на проржавевших петлях, и если бы ее захотели закрыть, вряд ли бы из этого что-нибудь

вышло. Привратника в сторожке, само собой, не наблюдалось, зато и вопросов задавать никто не станет.

Постоялый двор имел звучное название «Пристанище крыс». Хозяина, как раз напоминающего крысу, пришлось чуть ли не силой убеждать выгнать нескольких своих постояльцев, дабы освободить место для молестия, его прислужника и нескольких рыцарей (остальных отправили по другим гостиницам).

– Никакого уважения к Викарану, – недовольно проговорил Лютер вроде бы Войтосу, но так, чтобы услышал и хозяин, с извинением выдворяющий разбуженных постояльцев, возвращая им деньги. – Дикари, они и есть дикари.

– Здесь нет наместника-викарана, а мастер-викаран, похоже, тут никогда не бывал, поэтому им неведомы манеры поведения перед служителями Викараная, – пояснил прислужник.

– Без тебя знаю, – отмахнулся молестий. Он был уставшим после дороги, и все, чего желал, – поскорее завалиться спать, а с утра осмотреть город.

В том, что они прибыли ночью, были и свои плюсы; их никто не видел, а потому, если он выйдет в своей повседневной одежде, на него никто не обратит внимания. *А, проклятие!* – чертыхнулся он, наблюдая, как за дверь выходит последний разъяренный клиент. Даже если их догнать и приказать молчать, остальные рыцари, наверняка, уже заселяются в другие постоялые дворы, и точно не запомнят лиц тех, кого выгнали.

Обычно Лютер не делал столь очевидных ошибок, но нынче сказывалась усталость. *Ненавижу юг!*

Для столь небольшого города здесь слишком много съемщиков жилья. Кто-то из них легко мог оказаться скрывающимся магом. Но все завтра.

Лютер терпеливо дождался, когда подготовят его комнату (перевернут матрас с подушкой на другую сторону и, если повезет, сменят одеяло на более чистое), и отправился спать. Уснул он мгновенно, едва успев снять доспехи и ощутить под головой подушку, легкий смрад которой он решил игнорировать.

Привычка поздно ложиться и рано вставать тоже была одним из предметов гордости Лютера, и посему он поднялся еще до рассвета. Умывание прохладной водой, подготовленной заранее в оловянном тазу, чистка зубов эликсиром, который молестий всегда таскал с собой в поясной суме, и легкая разминка. Что еще нужно?

С утра на улице царил легкая прохлада, но Лютер, сменив свое рыцарское облачение на более уместное для города одеяние, чувствовал себя вполне уютно. Конечно, бессменный меч дополнял сию идиллию.

Вообще, юг он не любил вовсе не из-за холода и вечной промозглости – викаране должны с видимой легкостью преодолевать подобные неудобства, – но по причине неудач прошлого. Точнее всего одной неудачи, но достаточной, чтобы перечеркнуть все прежние жизненные свершения, даже самые великие.

Эфер являлся одним из тех городов, где народу, казалось, плевать на собственную судьбу. Грязь и смрад заполняли узкие переулки, а чересчур высокие для подобного города стены не пропускали внутрь достаточно свежего воздуха, даже несмотря на раскрытые настежь ворота.

Пока еще летнее солнце только-только поднималось с запада, а на улочках уже показались первые горожане, когда Лютер не спеша добрал до местной речки, разрезающей

город надвое. Видимо, та речка, через которую они перебирались прошлым днем, была лишь рукавом, так как здесь она оказалась шире и явно глубже. Ее берега не были укреплены, а полого спускались вниз, грозясь в недалеком будущем подмыть фундаменты ближайших домов и обрушить их (на ближайших домах даже виднелись следы от высокой воды). Это бы давно случилось с мостом, не будь его сваи отделаны ржавым металлом.

К берегу то и дело подходили горожане и выплескивали ночные горшки. *Не повезло тем, кто живет ниже по течению*, подумалось Лютеру.

На той стороне находилось уродливое каменное строение цилиндрической формы, более всего отличающееся размерами. Словно одинокая нога слона посреди города. Лютер собирался навестить местных правителей после обеда. Он понимал, что это окажется очень неприятным опытом, так как города, не имеющие наместника-викарана, редко с охотой идут на контакт с представителями Церкви. Молестий не мог их не понять.

Вернувшись на постоялый двор, он обнаружил лотошащего хозяина.

– Ох, господин Теза, – залепетал он, – а я вас прям обыскался. Ваш помощник говорит, что вы любите ранние прогулки, а я что же? Я и не знал. Стучу, не открывают, ну, я сам зашел, а там пусто. Думаю, что же готовить-то на завтрак, и готовить ли вообще, останетесь или уедете...

– Хватит, – грубо прервал его Лютер. – Охоч ты посудачить почем зря, вот и мели языком где-нибудь в другом месте.

Хозяин тут же поник, словно ива, умолк, перебирая тонкими пальцами передник. Мелистий не жалел людей, не замечающих за собой своих недостатков и выставляющих их напоказ, пусть даже ненамеренно.

– Неси, что есть, я не привередливый.

Завтрак оказался сытным и почти вкусным, было видно, что хозяин старался угодить неожиданным пугающим гостям, и правильно делал. Вероятно, слух об отряде уже разлетелся по всему городу, несмотря на отсутствие сквозняка, потому что за все время, что Лютер уминал снесь, в двери так никто и не вошел, лишь редкие постояльцы проходили на выход, стараясь не поднимать взгляда.

– Что-нибудь узнали? – поинтересовался Войтос.

– Ничего нового.

Солнце перепрыгнуло зенит, освещая каменный город с невиданной верхотуры. Редкие облака пуховыми подушками скользили по голубому небу, периодически проходя по кромке светила, едва затмевая его сияние.

Весь день до обеда Лютер и рыцари провели на постоялом дворе, чтобы случайно не затеряться в незнакомом городе (сам молестий прекрасно разбирался в направлениях, а потому затеряться не боялся). Теза сразу заявил, что после обеда они отправятся в цитадель, чтобы встретиться с местным Советом и узнать о происходящем в городе. Сам Лютер собирался как следует их отчитать за состояние города.

Лютер уже доедал второе блюдо, когда снаружи вдруг прогремел взрыв. Отбросив давно затупившиеся столовые приборы, он выскочил наружу, по пути сметая стулья. То же сделали и остальные. Все взоры устремились на северо-запад, где находился высокий холм с каменными изваяниями на вершине. Из самого центра возвышенности поднималась тонкая лента дыма.

– В доспехи! – закричал Лютер. – По коням и туда! Быстро!

Три рыцаря уже находились в доспехах, а потому сразу рванули в конюшню. Остальные,

в том числе и сам молестий с прислужником, побежали переодеваться в свои комнаты.

– Ваше Боголюбие, – прозвучало в дверях, когда Войтос застегивал на Лютере лямки его темно-серых доспехов.

– В чем дело?

– Лошади распряжены, а запрягать долго. Теза чертыхнулся.

– Отправляемся так, тут недалеко. Пусть несколько человек останется, догонят на лошадях.

– Слушаюсь, – отозвался солдат и умчался вниз. Через минуту за ним вышли и Лютер с Войтосом.

Бегать в доспехах не так уж сложно, как можно подумать, лишь выматывающе, да и меч как-то неуклюже болтается на поясе, постоянно ударяясь о бедро. Компания, наряженная в металлы и мчащаяся по узким улочкам, выглядела более чем нелепо, но Лютеру было плевать, что думают другие, он делал свою работу, и делал ее хорошо.

Когда рыцари дотрусили до холма, пот лился с них, как вода с крыш домов во время дождя, а в боку нещадно кололо. Бегать после еды – идея не из лучших. Буквально минуту спустя прискакали те, кто остался на дворе запрягать лошадей, ведя остальных на поводу. Вся эта беготня оказалось напрасной, но Лютер не собирался в этом признаваться даже себе – любая минута может оказаться решающей.

– Никого, – подтвердил один из рыцарей, обыскивающих холм. – Лишь трупы.

Лютер проследовал за рыцарем и увидел картину, которую примерно себе и представлял. Окровавленные трупы, некоторые из которых все еще слегка дымились. На нескольких камнях остался след от огня, а трава почти в самом центре композиции оказалась сожжена.

– Убийцы из Манона, – сказал Войтос, узнавая лежащие трупы по одеждам. – Далековато они забрели.

– Без магии здесь не обошлось, – покачал головой Лютер.

– Там еще тела, – крикнул рыцарь, стоя на противоположной стороне и указывая куда-то вниз. Теза сделал пару шагов, обходя лежащий камень, как вдруг почувствовал под стопой что-то твердое. Он убрал ногу, наклонился и поднялся какую-то короткую обгорелую палочку.

– Что это? Конфигар? – спросил Войтос.

– Не похоже. Но она обстругана.

Обдумать все это пока времени не было, и молестий направился на ту сторону маленькой полянки, устланной длинными камнями и обгорелыми телами. Словно хлебные крошки, трупы шли вниз по холму, и самый дальний находился у кромки леса, хотя это не станет сюрпризом, если несколько таких мертвяков раскиданы и в самом лесу.

Лютер оглянулась на одно из тел. Голова его была разрублена пополам почти до самой шеи от сильного удара мечом или топором.

– Непонятно, – протянул он.

– Что именно?

– Если они могли использовать магию, то почему вначале сражались с помощью оружия?

– Святые из Буддока? – предположил прислужник. – Или магуи?

– Смотри, – Лютер протянул руку, указывая на самый дальний труп, возле которого рыскали рыцари, и проводя ребром ладони вниз, – что в тех трех телах схоже?

Войтос задумался. Молестий иногда задавал ему подобные вопросы, на которые уже знал ответы, но все же надеялся, что чужой глаз сможет увидеть больше, и даже если ты предположишь нечто, до чего сам Лютер не додумался, он лишь согласится с тобой, делая вид, что и так это понимал. Он никак этого не показывал, но Войтос считал, что так оно и есть.

– Ну, – начал прислужник неуверенно, – отсюда плохо видно, но они, вроде как, не подпалены, как те, что здесь.

– И все?

– Поближе бы подойти.

– Этого не требуется. Их главная схожесть в том, что они лежат одной линией. Если магов было больше, то почему они не разбрелись по всем холму, а если так, то почему нападающие атаквали лишь одного, от руки которого и погибли?

– Хотите сказать, – догадался Войтос, – что это был один единственный человек? Лютер оглянулся на разбросанные по полянке тела, одно из которых оказалось разорвано почти в клочья, в голова другого разрублена надвое, и потер лежащую в поясной сумке обугленную палочку.

– Это нам и предстоит выяснить.

***

До восточной части города пришлось идти глухими переулками и подворотнями, чтобы не привлекать внимания. Сам Айван практически не выделялся в толпе, за два месяца он пообтерся и уловил здешнюю атмосферу, быстро к ней приноровившись. А иначе никак, даже яблока с прилавка стащить не получится, если будешь привлекать чужие взоры.

Нандин же являлся полной противоположностью. В городе, конечно, много здоровых мужиков, но никто из них не прятал под сермягой огромный, ростом почти с Айвна, меч, да и крови на них было поменьше. Берсеркер, конечно, почистился, как мог, но без горячей воды и мыла это мало помогло.

– Так ты мне все же скажешь, куда мы топаем? – заговорил кряж спустя минут десять ходьбы.

– В восточную часть города.

– Это я уже слышал. Ты говорил, что придется драться. Нет, мне-то это ничего не стоит, но первое правило воина знаешь какое? Знать своего врага как можно лучше.

– Я сказал, что *возможно* придется. Это даже хорошо, что ты не всю кровь отмыл, они тебя как увидят, так в раз поджилками затрясут, а дальше я сам, тебе даже говорить не придется.

Ниндин лишь покачал головой. Он не понимал, зачем ему кого-то пугать, если его попутчик обладает магией. Да, магов преследуют, но если все проверить аккуратно, никто и не догадается, что здесь оказалась замешана волшба. Чаще бывает наоборот – обычные фокусы считают страшным колдовством.

Они прошагали чуть ли не через полгорода, скрываясь от посторонних глаз, даже преодолели мост через реку, когда Айван остановился возле трехэтажного массивного строения, два нижних этажа которого были выстроены из камня, а верхний, явно достроенный намного позже, из дерева. Никаких опознавательных знаков на нем не наблюдалось.

– Это здесь.

– Что именно?

– Логово гильдии посаков.

– Воры? – удивился Нандин. – Я слышал, что они собираются в гильдии, но ни разу не видел, чтобы у них был свой дом. Куда же смотрит Совет города?

– В карман, – пожал плечами Айван. – Они контролируют почти всю восточную часть города за рекой, здесь каждый владелец лавки отдает им подать, а сами они платят Совету. По крайней мере, так говорят.

Айван до этого был здесь лишь единожды, когда проследил за одним из посаков. Его тогда заметили, и ему пришлось бежать через полгорода, спасаясь от погони. Тогда стояла темень, так что вряд ли они его разглядели, посему они вот так сразу не станут набрасываться, тем более, если рядом Нандин, но нужно быть готовым ко всему.

– И что же тебе от них нужно? – поинтересовался здоровяк.

– Они кое-что у меня украли, и мне необходимо вернуть это любой ценой.

Нандин усмехнулся:

– Возвратить что-то у посаков? Они скажут, что нашли, а раз ты говоришь, что они бабляют местным властям, то дело твое пустое.

– Поэтому ты мне и нужен, – пояснил Айван. – Это не деньги и не драгоценности, поэтому для них они бесполезны. Скорее всего, они вообще их куда-нибудь выбросили от греха подальше, вот я и хочу спросить, куда именно.

– А-а, – протянул Нандин, – понятно. Штучки твои колдовские.

Айван не понимал, как этот человек вообще мог держать язык за зубами, случайно не выболтнув о нем Мурре, хорошо хоть тот не особо задавался вопросами, желая поскорее выпроводить нежеланного гостя из дому.

Как только верну вещи, сразу же уйду. Хотя отправляться в путь придется как можно скорее и без этого. Может, Викаранай и охотится именно за Нандином, но и я им буду не лишним на соседнем горящем столбе.

– Ты только им ничего не сболтни, – на всякий случай предостерег он кряжа. – Если тема зайдет о магии, напomini им, что ты берсеркер и воевал против магов.

– Не бойсь, все будет сделано в лучшем виде. Думаю, они ожидают увидеть безумного рубаку, что ж, постараюсь соответствовать образу. Нандин размотал свою сермягу, стянутую еще у Мурры бечевкой, чтобы скрыть меч и пятна крови, которые с меха свести оказалось сложнее всего, и накинул ее сверху. Гигантский клинок он привычным жестом забросил на плечо.

Айван, глубоко вздохнув, подошел к двери и постучал, затем, чертыхнувшись, повторил удары, но уже сильнее и увереннее: негоже выказывать перед противником слабость и трусость.

Небольшое металлическое окошко на уровне глаз открылось примерно через полминуты, как раз когда Нандин сам решил повторить стук, отчего выглянувший наружу человек получил по лбу от содрогнувшейся двери, к которой прислонился, дабы разглядеть гостей.

– Кто там еще ломится? – недовольно гаркнул он, потирая голову. – Мы закрыты.

– Мы – это кто? – поинтересовался Айван.

– А кто нужен?

– Открывай, привратник, – пробасил Нандин. – Кто нам нужен, мы сами найдем.

Человек закрыл окошко, послышались приглушенные голоса, а через некоторое время раздались скрежетания отворяющихся задвижек. Дверь распахнулась.

Первым, выпятив грудь и нижнюю челюсть, вошел берсеркер, а за ним и маг-недоучка, стараясь выглядеть не менее грозно, что выходило у него не больно достоверно.

В просторном помещении, уставленном столами и скамейками, находились не менее двадцати человек, по большей части дети и подростки, но с ножами и дубинами под одеждой. Сейчас был разгар дня, а посаки предпочитают более темный период времени.

Будь их раза в два меньше, Айван не сомневался, им бы точно никто не открыл, хотя, заметив огромный меч Нандина, теперь они точно жалели, что впустили их; привратник, судя по всему, об этом не упомянул, за что и заслужил многообещающие взгляды. На другом конце комнаты находилась стойка, за которой, по-видимому, стоял хозяин заведения, недобро поглядывая на незваных посетителей. Айвана, казалось, никто из них не узнал.

– Чего вам нужно, господа? – спросил он, не выказывая истинных чувств. Хозяин заведения, а значит, и всей гильдии, оказался худосочным мужичком лет пятидесяти, с темными густыми бровями, чей нахмуренный вид был естественным, пышными усами и мелкими черными глазками. Его поседевшие на висках волосы обладали залысинами, но в остальном выглядели довольно сильными и густыми.

– У моего друга, – начал Нандин, поправив меч на плече, – недавно украли кое-какие вещи. И мы хотим их вернуть.

– Вернуть? Позвольте, но почему вы пришли к нам?

Берсеркер оглянулся на сидевших позади ребят, среди которых, правда, были и девочки.

– Для закрытой харчевни у вас на удивление много посетителей, – заметил он.

– У нас частное мероприятие, а для остальных мы закрыты.

Нандин вновь обернулся к хозяину и рыкнул, прочистив горло, отчего даже Айван вздрогнул.

– Не люблю ходить вокруг да около. Мы знаем, чем вы тут занимаетесь, но мне плевать. Верните мальчишке вещи, и мы уйдем с миром.

– Я бы с удовольствием, но я не понимаю...

Закончить предложение хозяину не дал Нандин. Одним движением плеча он подбросил меч вверх, приведя его в вертикальное положение и едва не доставая до потолочных балок, а затем с силой обрушил на стойку. Даже силы одной руки хватило, чтобы прорубить ее почти на треть.

Щепки полетели во все стороны. Хозяин, потрясенный, отпрянул, выронив и разбив протираемую им керамическую кружку. Посаки тут же вскочили со своих мест, больше не тая свое разнообразное оружие. Айван развернулся к ним лицом и потянулся за своим ножом, но тут внезапно осознал, что забыл его на холме. Он оказался без оружия, а магия здесь не помощник, тем более без должного инструментария. Все, что оставалось, – это взять в руки по заточенному колышку.

Зато Нандина, казалось, это ничуть не волновало.

– Если вы все еще не поняли, кто я, – заговорил он, не оборачиваясь, – то отвечу: я – берсеркер. Толпа подростков переглянулась, некоторые даже отступили на шаг назад, поближе к двери. Они, в отличие от Айвана, были наслышаны о берсеркерах, и только при одном упоминании испытывали трепет.

– Мне нужны украденные вещи, – повторил кряж, забрасывая свой меч обратно на плечо.

– Конечно-конечно! – залепетал хозяин, забыв о своей напускной интеллигентности. –

Только скажите, что было украдено, и мы все возместим в двойном размере.

Нандин перевел взгляд на Айвана, мол, говори.

– Это, – начал он неуверенно, – это была котомка.

– Мы много... находим различных котомок.

– В ней была книга. Необычная книга. На лице хозяина гильдии посаков появилось понимание и испуг. Он оглянулся им за спину; остальные, похоже, тоже поняли, о чем идет речь, и владелец заведения искал от них поддержки, однако чем могли помочь дети, пусть и воспитанные улицей?

– Вы же сказали, это было недавно. Нандин снова посмотрел на Айвана.

– Два месяца, – пожал он плечами.

– Неважно, сколько прошло времени, – ответил берсеркер.

– Мы возместим, сколько вы хотите?

Возместить гриморий было категорически невозможно. В любой подобной книге находилось множество заклинаний, однако именно в этой отец Айвана записал несколько своих, и одно из них являлось ценнее всех остальных вместе взятых. Он даже был готов пожертвовать книгой, лишь бы ему вернули те несколько страниц с необходимой ему инструкцией.

– Мне нужна сама книга, – сказал Айван. Остальное не важно. Конечно, там еще были деньги, но их можно раздобыть самому.

Хозяин хотел еще что-то ответить, но тут из проема справа от стойки вдруг вышел человек. Это был крепко сбитый парень, хотя на фоне Нандина казался таким же мелким, как и остальные. Сначала он посмотрел на настороженных посаков, неуверенно сжимающих в руках ножики и дубинки, потом перевел взгляд на Нандина с Айваном и хозяина, испуганно жмущегося к дальней от стойки стене, и только в конце заметил эту самую разрубленную стойку.

Он развернулся обратно к проему и громко свистнул, а только после соизволил заговорить:

– Что здесь происходит?

– Фестим! Чего так долго? – накинулся на него хозяин, заметно возмужав.

– Так если бы что-нибудь серьезное случилось, мы бы слышали крики или вроде того.

Из-за спины этого самого Фестима вышло еще несколько человек, видимо, спустившихся на свист. Выглядели они куда внушительнее оборванных мальцов, и каждый имел на поясе меч, вроде гладиуса. Заметив Нандина со своей громадиной на плече, они тут же обнажили клинки, но все еще стояли поодаль, ожидая приказа. Судя по всему, они были подстрахователями, людьми, которые ходят за посаками на случай, если попадется особо ретивый «клиент», не желающий расставаться с добром, а то и вовсе вознамерившийся поймать нерадивого карманного воришку.

В такие моменты они выскакивают из подворотен и вмешиваются в бучу, и жертве очень повезет, если она уйдет домой на своих двоих. Айван, когда следил за посаками, не редко замечал и этих самых подстрахователей, хотя и не всегда, ибо обычно их меньше самих посаков, и когда они выходят на дело, то эти люди с оружием сопровождают лишь новичков и самых младших. Первых, чтобы те не прикарманили себе лишнего, а вторые в случае чего не смогут что-то противопоставить, если их схватят.

Теперь они все стояли в зале, готовые на сей раз отбивать не детей-посаков, а своего собственного хозяина. Айван не сомневался, что Нандину они на один зубок, даже несмотря

на его раны, однако сможет ли он одновременно драться и защищать парня?

– Чего вы ждете? – крикнул хозяин гильдии. – Выставьте их вон, да поживее!

В их понятии, судя по всему, выставить вон означало зарубить мечами, а затем выкинуть трупы в реку, потому что не успел щуплый старичок договорить свой приказ, как на незваных посетителей ринулись бойцы.

Первого, того самого Фестима, Нандин просто пнул ногой, но с такой силой, что он просто влетел спиной в остальную толпу, сбивая их с ног. Однако упали далеко не все, и в следующую секунду устоявшие на ногах бросились в атаку, чтобы тут же быть разрубленными мечом берсеркера.

Подстрахователи не имели доспехов или любой другой защиты, а потому первый же удар едва не пополам разрубил сразу двоих. Те, кто бежал прямо за ними, не сразу осознали, что произошло, и, не успев остановиться, стали новыми жертвами огромного меча.

Кровь залила деревянный пол, просачиваясь сквозь старые доски. От взмахов меча кровь разлетелась во все стороны, забрызгав и остальных подстрахователей, и детей-посаков, которые даже не успели решить, что им делать: просто ждать или тоже броситься в бой, тем более что второй их противник казался безоружным, не считая двух обструганных деревяшек. Теперь они знали ответ.

Кто-то продолжал стоять, не в силах пошевелиться, глядя на развалившиеся по полу кишки и части тел, другие же рванули к выходу и были таковы. Айвана вновь замутило, но ему удалось кое-как сдержать рвотные позывы, отвернувшись от трупов.

Хозяин гильдии, опомнившись, паче чаяния рванул с места, но Нандин так быстро выставил перед ним меч плашмя, что тот влетел в него головой и упал на спину, задрав ноги. Берсеркер один махом перескочил через стойку, поднял его одной рукой за грудки и погрозил окровавленным тесаком. Подстрахователи замерли, не зная, как им поступить. Широкая спина берсеркера пропала, и если бы они захотели убить Айвана, то не факт, что Нандин успел бы им помешать, но они, похоже, об этом даже не подумали.

– Где вещи? – очередной раз спросил кряж. – Последний раз спрашиваю. Хозяин попытался оглянуться, ища поддержки у своих людей, но Нандин встряхнул рукой, и голова человека дернулась, словно у деревянной марионетки.

– Я... Мы их продали, – залепетал хозяин.

– Продали? Кому?

– Если я скажу, меня убьют, – захныкал он.

– Если не скажешь, умрешь прямо сейчас, а так у тебя будет шанс скрыться.

Хозяин посаков громко сплотнул. Если он кому-то продал книгу и конфигар, то вряд ли это обычный человек. Маг. Любой нормальный человек в современном мире старается держаться от магии как можно дальше, чтобы его случайно не обвинили в колдовстве.

Если это действительно так, то Айвану придется сдаться. Он был не просто магом, а самоучкой, причем никчемным. Наизусть знал заклинаний десять, но по большей части бесполезных, и даже если этот другой волшебник тоже низкого ранга, то все равно куда сильнее, тем более что за эти два месяца он мог выучить много нового из попавшей к нему в руки книги.

– Говори же, – вновь встряхнул хозяина Нандин.

– Это... это кто-то из цитадели. Он купил котомку со всем содержимым за пяток медных дублей. Мы могли бы выручить и больше, но не хотели, чтобы нас обвинили в пособничестве колдовству.

– Откуда вы знаете, что он из цитадели? – вмешался Айван. – Он сам вам сказал? И вы запомнили его лицо?

– Нет, мои люди проследили за ним до самого моста, через который он переступил, а затем скрылся за стенами цитадели. И он был в маске.

Айван не мог поверить. Маги были вне закона, любого, кого обвинять в чародействе, тут же сожгут или утопят, то же само касалось и тех, кто им помогает. Если маг из цитадели, то он служит Совету. Немыслимо! Теперь шансов вернуть grimорий просто не осталось. Оставалось только с позором вернуться в родную деревню.

– Отпусти его, – негромко сказал он. – Мы узнали все, что хотели.

Нандин разжал кулак, и хозяин едва устоял на ногах, схватившись за прилавок. Берсеркер вновь легко перелетел через стойку и вместе с Айваном направился к выходу. У дверей он обернулся:

– Кто хочет умереть, может попытаться отправиться за нами.

Айван брел по улице, не различая дороги, и даже не заметил, как Нандин вновь обернул свой меч сермягой. Он не хотел возвращаться в родную деревню, где осталось слишком много тяжелых воспоминаний, и в городе ему оставаться было нельзя. Скоро грянут холода, теплой одеждой он вряд ли разживется, а лежанка между домами, где он спит, не спасет его от снега, да и печь за стенкой вряд ли сможет его согреть. Когда Нандин уйдет, он останется один на один с разъяренными посаками.

Неужели я вот так и буду всю жизнь скитаться, пока этот умирающий мир не утащит меня за собой в могилу?

– Чего ты расстроился? – похлопал его по плечу Нандин. – Неужели эти вещи были тебе так важны?

– Больше, чем ты думаешь. Ты мне долг свой отдал, так что можешь расслабиться, дальше я как-нибудь сам.

– Как это – отдал? Я ведь поначалу думал, что ты попросту хочешь кому-то отомстить, натравить меня, так сказать, чтобы я этих кого-то припугнул. Но ведь это не так. Твоя цель – вернуть вещи, а значит, это и моя цель тоже.

– И как ты собираешься проникнуть в цитадель? А если там сильный маг?

– Ничего, – махнул рукой Нандин, – были передряги и посерьезней.

Айван почему-то ему верил.

***

– Каллан! Нам их догнать? – спросил один из подстрахователей у хозяина заведения.

– Ты разве не слышал, что сказал берсеркер? Если, конечно, он тот, за кого себя выдает, – хмыкнул хозяин, потирая ушибленный лоб.

– А почему нет? Видал, какой у него меч?

– Берсеркеры воевали против колдунов, а этот якшается с магом, на коротком поводке у него.

Подстрахователь засмеялся:

– Этот шкет – маг? Да если он колдун, то я сам король Каус Дерни. Все остальные, кроме Каллана, разразились хохотом.

– И все же, – сказал он полушепотом. – Я слышал, в город наведалься сам Викаранай.

Пусть сами мы ничего им сделать не можем, но это не значит, что мы не натравим на них кого-нибудь другого.

Все одобрительно качали головами и язвительно заулыбались. Каллан очень не любил, когда его унижали, особенно на глазах подчиненных, а потому следующие несколько недель собирался относиться ко всем вокруг как можно строже, чтобы они, чего доброго, не сочли его более непригодным на роль мастера гильдии. Начать он решил сию же секунду.

– Чего застыли? – рявкнул он. – Пусть кто-нибудь отправится к этим фанатикам и передаст им описание этой парочки. – Он перегнулся через стойку. – И уберите уже, наконец, этот мусор, Отродье Бездны!

Глава 3: Городской Совет

Помимо найденной Лютером обугленной палки, на холме обнаружился еще и дряхлый затупленный нож с деревянной рукоятью. Он решил, что именно им и была обстругана данная палочка. Если причина избавления от бесполезной деревяшки была очевидна, то с ножом дело обстояло несколько иначе.

– Почему он бросил нож?

– Ну, он настолько дряхлый, что им едва ли можно разрезать кусок сыра, – ответил Войтос на этот, казалось бы, риторический вопрос.

– То-то и оно, – назидательно поднял Лютей палец. – Если он использовал столь плохой нож, то другого у него не было. И все же он его бросил. Торопился поскорее убраться подальше?

– Думаете, на холме мог оказаться случайный свидетель, который видел, что произошло?

– Все мечи Убийц из Манона обнаружены? – задал молестий еще один вопрос вместо ответа.

– Так точно. Сейчас рыцари обыскивают лес в поисках иных следов.

– Очень хорошо.

Лютер вновь впал в задумчивость. Войтос знал, что Его Боголюбие зачастую размышляет про себя, но если его вопросы задаются в воздух, он ждал на них ответа, ну, или хотя бы комментария. Прислужник был приставлен к нему всего около двух лет назад, когда предыдущий умер от призрачной болезни, снедающей его около полугода. Он мог бы прожить и дольше, если бы оставил молестия и поменьше напрягался, однако он решил служить своему господину до самого конца, и его желание сбылось.

Войтос намеревался быть Лютеру не менее преданным и усердным, однако, в отличие от своего предшественника, не собирался находиться на посылках. С самого первого дня он заявил молестию, что всегда рад служить, но не прислуживаться, несмотря на свою должность. Теза счел его нрав похвальным, однако не прошло и полугода, как Войтос заметил, что Лютер имеет над ним полнейшую власть.

Лютер Теза, молестий, бывший тысяцкий Армии Чистых Людей обладал невероятной командной аурой, и если бы его люди отвечали всем его требованиям, он бы давно достиг звания темника. Хотя, с учетом того, что война давно закончилась, это мало бы что ему дало. Лютеру не нужны были земли и деньги, лишь власть, как она есть, ибо только с ней приходит и все остальное.

– Мы отправимся в цитадель? – поинтересовался Войтос.

– Непременно. Но только не сегодня. Мне необходимо подумать.

– Полагаю, тут и думать нечего. В городе есть как минимум один волшебник, и его следует найти. Совет города не сможет нам отказать и выделит на поиски солдат.

Лютер неопределенно хмыкнул:

– Тут они не отвертятся, это несомненно. Однако заметь, мы прибыли вчера ночью, нас видело множество людей, а сегодня так точно о нашем присутствии узнал весь город. Уже за полдень, а совет так и не прислал своего нарочного с приглашением. Не очень-то они нам рады.

Войтос не понимал, чему так удивляется Лютер. В каждом городе, в котором бы они ни

останавливались, им всегда не рады. И не только обычные горожане, советы города или городничие, но и сами наместники-викаране. Хотя все же обычно они всегда присылают своего порученца, а после все вместе восседают у камина, попивая чай, разговаривая на светские темы, обсуждая состояние города и учтиво притворяясь, что все они невероятно польщены встречей друг с другом.

Лютер являлся воином, охотником, палачом, но никак не дипломатом и краснобаем, а потому подобные встречи были ненавистны ему более всего. Но выбора не было, так как помимо вышеперечисленного, он был и служащим Викараная, выполняя распоряжения вышестоящих. А распоряжение было только одно: поймать и казнить всех магов, используя любые средства.

Иногда для достижения цели необходимо поступиться своей гордостью. Или чужой.

На следующее утро Лютер встал привычно рано, умылся, размялся, совершил моцион до реки и вернулся как раз к завтраку. На сей раз хозяин постоянного двора не докучал своим нарочитым беспокойством по поводу его отсутствия в комнате. Вот что бывает с людьми, если на них пару раз сердито прикрикнуть: они становятся покладистыми. В этом отношении они несколько схожи со скотиной. Лютер старался никогда без веской причины не вызывать раздражения у вышестоящих и не спорить с ними.

Словно на всякий случай, все викаране этим утром ели не так быстро, а рыцари заранее облачились в доспехи. Теза же не считал это необходимым, ибо вряд ли подобные вчерашним события в этом городе привычны для местных жителей, а иначе об этом уже стало бы известно.

После такого же неспешного обеда доспехи нацепил и сам Лютер, после чего, в обязательном сопровождении прислужника и десятка рыцарей, отправился в цитадель. Лошадей было принято решение оставить в своих стойлах на постоялом дворе, ибо идти все равно недалеко, а копыта могли легко попасть в какую-нибудь выбоину на мощеной дороге, в которой отсутствовало множество булыжников.

Без лошадей, конечно, было не так эффектно, но Лютер предпочитал производить впечатление сам по себе, своей статью, начищенными до блеска доспехами и белым плащом с троекрестием. Как уже упоминалось, он не был краснобаем, но за словом в карман не лез, ибо слово, как говорится в Священном Писании, то же оружие, только острее, а молестий считался мастером клинка.

До моста они добрались довольно быстро, потому что все стремились уступить дорогу рыцарям в сверкающих доспехах с чуть более темной насечкой в виде троекрестия на кирасе и тонкими филигранными узорами на остальных частях железной брони. Когда на них попадал солнечный свет, доспехи словно светились изнутри, а таушированные части проступали яснее. Однако у самого Лютера доспехи и насечка были одного цвета, значительно выделяя его на фоне остальных.

Обычно доспехи прикрывались длинными туниками с таким же троекрестием на груди и плащами, но во время боя от них избавлялись, чтобы не запачкать. Сейчас же на рыцарях находились одни лишь плащи, не прикрывающие закованную в сталь грудь. Лютер решил, что Совет города будет более сговорчивым и осознающим свое положение, если увидит, что к ним пришли не добрые люди в белых одеяниях, какие носят и уномоны, а настоящие воины.

Лютер с Войтосом шествовали впереди, десять рыцарей за ними, непременно строевым

шагом, и лишь на мосту через реку он приказал идти вразнобой, во избежание обрушения ветхого каменного сооружения от равномерных вибраций.

Ворота стен цитадели выглядели немногим лучше городских, но хотя бы держались на всех петлях. В сторожке оказался немолодой привратник, который тут же выскочил, заметив на мосту вооруженных людей в рыцарских одеяниях.

– Мое имя Лютер Теза, – начал Лютер полуофициальным тоном. – Я Его Боголюбие молестий Святого Викараная, выступающий от имени Его Святейшества Великого Архикарана, служителя Церкви Богов Четырех Сторон Света.

Привратник заморгал и изумленно открыл рот от такого неожиданного нагромождения незнакомых ему слов и терминов, не в силах выдать и слова. По всем правилам он должен был тут же поклониться, пригласить их всех войти и попросить обождать, а сам тем временем со скоростью стрелы помчаться к начальству и доложить о прибытии почтеннейших гостей, после чего спуститься и проводить их в главный зал.

Однако Лютеру не обязательно было даже видеть местного привратника и слуг, дабы понять, что ничего подобного не произойдет. Чернью в этом городе представал и сам Городской Совет, не обучивший свой народ достойному поведению и не привив ему светских манер. Лютер ненавидел юг и всех, кто здесь живет.

– Чего встал? – прикрикнул Войтос, что ему и было приказано еще на подходе к цитадели. – Скорее доложи о нас, а то, не ровен час, на нас спустят ваших безмозглых стражей в ржавых доспехах, а смертоубийства не лучший способ завязывать беседы.

Привратник, как услышал о смертоубийствах, тут же весь побледнел, что-то пролепетал и помчался к дверям цитадели, что твоя стрела; хоть здесь он все сделал правильно.

Минут через пять из дверей появился человек в подбитой коричневом мехом долгополой шубе, явно накинутой впопыхах. Он словно присматривался к незванным посетителям, которые все еще неподвижно стояли у ворот, раздумывая, не прогнать ли их прочь, но таки удосужился спуститься по короткой каменной лесенке и подойти.

Лютер представился снова, даже тоном не выказав свое отношение к такому отвратительному приему. Он еще успеет отыгаться.

– Викаранай? – удивился человек. – С роду к нам не заживали викаране, даже проездом. Что ж, разрешите представиться: глава Городского Совета Ачукалла Скандрел. Он протянул руку, но Лютер сделал вид, что не заметил, в этот момент оглянувшись на своих рыцарей. Ачукалла быстро убрал руку, неловко сделав вид, что просто поправляет съехавший рукав.

Глава Совета был толст, но не чрезмерно, как обычно представляются люди его положения. Темные с проседью волосы, свисающие до ушей, темные же густые брови, выбритый выпирающий двойной подбородок. В общем, ничего примечательного. В крупных городах часто меняется мода на прически, усы и бороды, но здесь, казалось, время давно остановилось.

– На улице несколько прохладно, – заговорил Войтос. – Не лучше ли нам пройти внутрь, если вы не возражаете?

– Ой, конечно-конечно, я от неожиданности забыл о своих манерах. Пройдемте, господа, пройдемте. У нас растоплены все камини, поэтому внутри тепло, как северным летом.

Внутреннее убранство не блистало изысками: высокие сводчатые потолки, подпираемые очень толстыми блеклыми колоннами с облезлой краской, в конце длинного коридора лестница, ведущая на площадку, от которой в обратную сторону расходятся еще две

лестницы, ведущие на второй этаж, куда и направился глава Совета в сопровождении викаранов.

На первом этаже не было видно окон, потому что цитадель представляла собой форму цилиндра, а коридор с колоннадой шел ровно по центру, и был отделен от внешних стен комнатами для гостей и прислуги. Также на первых этажах обычно располагались кухни.

Лютер оставил подле лестницы двух рыцарей, и собирался разместить остальных везде, где мог счесть необходимым, в итоге оставшись всего с двумя. Вряд ли их ждет заварушка, но он привык продумывать на несколько шагов во все стороны, чтобы не оказаться застигнутым врасплох. Это не раз спасало ему жизнь.

На втором этаже Ачукалла снял свою шубу, потому что там и правда оказалось довольно тепло. И намного светлее. Нижний зал освещался от силы десятком полтора факелов, наверху же в просторное главное помещение лился солнечный свет из нескольких узких стрельчатых окон. Помещение не являлось жилым, но даже здесь находился камин. Он был устроен довольно необычно, его труба выступала из стены, расширяясь кверху немного под углом, словно длинная прямоугольная ваза, а оголовок дымохода не достигал края крыши добрые полторы, а то и все две сажени, создавая иллюзию, словно цитадель дымитесь изнутри, хотя это можно было увидеть лишь снаружи. Местный трубочист, наверняка, настоящий богач.

Второй этаж разделялся надвое толстой стеной, куда как раз и вели две разные лестницы. Это было сделано за тем, что даже если противник прорвется в одну часть замка, то не сможет оттуда перейти в другую. В стенах были проделаны специальные небольшие оконца для арбалетчиков и пищальников (хотя к моменту постройки цитадели, ни о каких пищалых и слыхом не слыхивали), идущие под углом, чтобы потенциальный противник мог стрелять только вниз, в пол, а защитники же цитадели выпускали стрелы или каменные пули вверх, прямо в головы. Конечно, с другой стороны тоже располагались такие окна, однако на время боя их можно было прикрыть железными ставнями, открывающимися только с одной стороны.

Сейчас они были закрыты, и Лютер почти не сомневался, что если их и открывали когда, то лишь ради интереса. Эфер был мал, далек от центра жизни, несмотря на расположение в Месте Силы, и совершенно не имел стратегического значения, если не считать нахождения вблизи перевала Ланго, отделяющего Протелию от полуострова, в простонародье именуемого Ледяные земли, а значит, и нападать на него было несусветной глупостью.

Преодолев короткий отрезок оборонительного коридора, Лютер, в сопровождении прислужника, главы Совета и нескольких рыцарей, оказался у большой деревянной двери, раскрашенной в темно-красный цвет, который прорезали узоры из золота. Судя по всему, это была лучшая дверь в цитадели.

За ней же оказалась лучшая комната. Несколько арочных окон в округлой стене слева впускали в помещение белый свет, но внутри его ждал свет красный, испускаемый множеством свечей и камином, тоже расположенным слева между двумя окнами. Перед камином располагалось несколько кресел, обитых в красную кожу, примерно такого же цвета, как и дверь, в центре комнаты стоял массивный, но низкий красный стол с двумя диванами по обе стороны. Правая стена оказалась заставлена стеллажами с множеством фолиантов и инкунабулов.

Прямо напротив входа тоже находились стеллажи, однако вместо книг на полках

пылились всевозможные безделушки, вроде золотых кубков, инкрустированных драгоценными металлами всех расцветок. Декоративные мечи с такими же облепленными блестяшками рукоятями, из-за чего ими невозможно было сражаться, зеркала различных размеров, компас, небольшой глобус, даже несколько предметов, похожих на магические, но вряд ли являющиеся таковыми.

Между стеллажей располагалась лестница, ведущая выше. У двери стоял слуга в серой ливреи и без всяких вычурных украшений, вроде аксельбантов или басонов. У лестницы на третий этаж находился точно такой же человек, только чуть более пухлый. Это все слуги, что заметил Лютер в цитадели, не считая привратника.

– Это, можно сказать, комната отдыха Совета, – сказал Ачукалла, поведя рукой. Лютеру было любопытно, от чего именно они отдыхают, но промолчал, предрекая, что в ответ получит невнятные пояснения. – Хотите выпить? У нас тут вино, ром, пиво, даже бренди.

– Нет-нет, спасибо. Мы не пьем на работе... А где же остальные члены Совета?

– Где находятся некоторые, мне не ведомо, занимаются личными делами, полагаю, но остальные на третьем этаже, отдыхают, читают книги и все такое. Они могли бы и здесь, но предпочитают читать в одиночестве. Я мог бы позвать их, коли надо.

– На самом деле, было бы неплохо поговорить со всеми разом, дабы не повторяться.

– Боюсь, все соберутся только ближе к вечеру, да и то, если не найдут какой другой ночлег.

Лютер мог бы состроить недовольную мину, начать кричать и пригрозить мерами, если все не соберутся сию же секунду, но так поступают только глупцы. Молестий давно понял, что ничего не пугает человека так сильно, как ледяное спокойствие его оппонента. Ни единым мускулом на лице не выказывать своих истинных мыслей, и собеседник изойдет догадками о твоих помыслах, начнет нервничать и сделает ошибку. А главное – осознает, кто здесь по-настоящему верховодит.

Лютер не собирался ждать весь день, когда отыщутся все члены Совета, тем более его обуревала уверенность, что они нарочно не станут особо торопиться, а тогда ситуация перейдет в их руки.

– Тогда созовите всех, кого сможете. Сейчас же. – Он говорил уверенно, но старался не использовать приказной тон, поелику власть имущие часто обижаются на подобное к себе отношение, пусть и более чем справедливое.

Ачукалла пожал плечами и отправил одного из слуг наверх, а сам тем временем предложил гостям присесть. Конечно, после прохладной улицы хотелось расположиться у камина с резным порталом из светлого камня, но за столом как-то удобней, и нет необходимости сидеть к членам Совета полубоком либо постоянно вертеть головой.

Вниз спустились три человек, естественно, как и ожидал Лютер, они особо не торопились, словно решив прежде дочитать свою книгу. Судя по тому, что все трое спустились одновременно, читали они одну книжку на троих, но можно было быть уверенным, спроси их, о чем она была, никто не найдет, что ответить.

Глава совета, естественно, не смог запомнить приветствия Лютера, а потому не смог его представить. Самому молестию представляться надоело, но на подобные случаи его и сопровождал прислужник.

Все присели за прямоугольный стол: четыре члена совета с одной стороны, викарине с другой. Первые ерзали и переглядывались, словно взглядом говоря, мол, начинай ты разговор, я не знаю, что сказать.

Когда один из них все же решился прервать гнетущую тишину и даже открыл рот, заговорил Лютер:

– Сколько всего человек в Совете?

– А... девять, – запнувшись, ответил тот, кто открыл рот.

– Значит, здесь меньше половины.

– Мы просто не ожидали, что нас посетят столь достопочтимые гости, потому мы и не подготовились как следует. Кабы вы предупредили заранее... – Ачукалла развел руками.

Лютер ухмыльнулся про себя. А ведь и не поспоришь. Несомненно, они знали о присутствии в городе «достопочтимых гостей», но именно хозяин обычно приглашает гостей, а не гости напрашиваются на порог. В данном случае, можно сказать, вышла ничья, никто не стал прогибаться под мнимой властью другого.

– Еще на пути к городу у меня было к вам много вопросов, но не успел я переступить через порог, как их число непременно возросло.

– Что ж, мы готовы ответить на любые вопросы, коли знаем на них ответы.

Лютер вздохнул. Он не знал, пользуется ли в этом городе популярность игра разума, но теперь был практически уверен, что местные власти как минимум о ней наслышаны. Ачукалла заявил, что они готовы ответить на любые вопросы, однако забыл добавить, что ответы будут обязательно совершенно честными.

– Тогда как насчет вчерашнего происшествия?

– Вы о взрыве на холме? Мы слышали, там обнаружили тела Убийц из Манона. Неужели шпионы?

Если здесь все же и пользовались игрой разума, то очень неумело. Или наоборот. Возможно, этот Ачукалла специально играет роль недалекого и непонимающего. За время своего пребывания на посту молестия, да и до этого тоже, Лютер привил себе привычку никому не доверять. Сначала глава Совета говорит, что знать не знает о викаранах в городе, а теперь заявляет, что не просто слышал о происшествии на холме, а осведомлен о погибших. Какие-то отрывистые у него получаются знания.

Если он решил сыграть, то явно ошибся в противнике.

– Возможно, – отозвался Лютер. – Это как раз касается другой темы, о которой я хотел с вами поговорить. Думаю, вы прекрасно осведомлены о том, что король Гедорна собирается развязать войну с этой страной, и наращивает свои войска на границе.

– Конечно, мы слышали, но все же не уверены в серьезности ситуации. Их король еще до Войны Роз грозился захватить южные земли, но пока это только остается словами.

– Отнюдь, – заметил Лютер. – Мы как раз идем из Асидии. Подле города стоит войско короля Кауса в тридцать тысяч солдат. Похоже, он относится к словам короля Морроса более чем серьезно. Не сегодня-завтра начнется настоящая война, если уже не началась, странно, что вас никто не известил. Возможно, у вас и нет большого числа людей, но я слышал, к западу отсюда находятся кузницы. Оружие лишним не бывает.

Если кузницы столь же запущены, как и сам город, то вряд ли оттуда может выйти что-то стоящее, однако в бою жизнь может спасти даже ржавая железная палка, Лютеру ли об этом не знать.

– Вы правы, абсолютно правы, однако нам не поступало заказов. Сейчас на кузнях в основном создают всякую домашнюю утварь да чинят поломавшиеся мечи. Но если надо, наши умельцы скуют и новые клинки. Нам бы только заказа дожидаться, да своевременной оплаты.

Поломавшиеся мечи. Лютеру трудно было понять, как это местные вояки умудряются ломать свое, с позволения сказать, оружие. Возможно, они просто так сильно ржавеют, что рыцари не могут вынуть их из ножен; это больше похоже на правду.

Следующей темой зашел разговор о состоянии самого города.

– Мы самый южный город самого южного государства Орлиного Континента, если не считать Ледяные земли, – развел руками глава Совета. – У нас практически нет финансирования, и если вы заявляете, что столица готовится к войне, о нас и вовсе забудут. Вы были в нашем городе раньше, господин молестий?

– Нет, не приходилось. *К счастью.*

– Значит, вы не знаете, каков здесь зимой. Буквально через полтора месяца здесь все замете снегом, и никто не сможет ни выехать из Эфера, ни приехать. Горы Пиллан защищают нас от большинства ненастий, но зимой ветер меняет направление, и горы превращаются в непреодолимую преграду для северных ветров. Нам каждый год приходится бороться с последствиями паводков. И разве короля это заботит? Нисколько. Мы каждый год примерно в это время вместе с созревшими злаками отсылаем королю челобитную с просьбой выделить нам из казны немного денег на ограждение реки хотя бы земляными валами. Обрато приходит лишь оплата за пшеницу. Понимаете, в каком мы положении?

Лютер понимал. Примерно так же ощущали себя почти все города после войны. Первым всегда восстанавливают столицу, а затем волна строительства расходится дальше. Эфер был так далеко от стольного града, как это только возможно для города, достаточно крупного, чтобы называться таковым, однако войны здесь и в помине не было, и местные правители, судя по всему, делали все возможное, чтобы так оно и оставалось впредь.

Если сюда вдруг приедет проверяющий, он наверняка решит, что от города попросту нечего взять, кроме пресловутой пшеницы, которая по пути к столице наполовину съедается долгоносиками. Подобного не происходило во времена царствования магии, но Лютер об этом думать не желал.

Сама по себе магия не зло, но злом являются люди, которые ею владеют. Однако подобным взглядам придерживаться было опасно, поэтому молестий старался держать сии мысли при себе.

– Все это лишь отговорки, – заявил он. – Стойки моста вы смогли обить железом, но это лишь потому, что он является прямым путем к цитадели, по которому вы и сами передвигаетесь. Однако ваша главная задача – обеспечение граждан всем необходимым. Когда сюда будет назначен наместник, все переменится.

– Наместник? – несколько театрально изумился глава совета. – Извольте, но здесь всегда правил только Совет.

– Так было раньше.

– Но на подобное необходимо воля короля, а он, я полагаю, сейчас занят подготовкой к войне. – На лице Ачукаллы сквозь красные пятна проступила едва сдерживаемая торжествующая улыбка, которую он попытался скрыть, почесав под носом.

– Король – да, – сдержанно согласился Лютер, – но не Великий Викаран. – Улыбка главы совета поблекла, теперь он начал чесаться не ради сокрытия эмоция, а из-за нервов. – Мы виделись с ним давеча в столице. Ему не по душе назревающая война, однако Викаранай старается без надобности не ввязываться в политику государств. И все же Великий Викаран всеми силами пытается предотвратить бойню между подконтрольными ему странами.

Это было правдой. Обычно Великие Викаране отвечают лишь за одну страну, но бывает

и такое, что они ответственны сразу за несколько государств. Подобное происходит по нескольким причинам: один из Великих умирает (обычно от старости, так как служение пожизненное; несмотря на короткое существование Викараная, такое уже происходило дважды), отчего, пока ему не найдут замену, другой выполняет его обязанности; королевства столь малы и близки друг к другу, что просто нет смысла, назначать им разных Викаранов; страны слишком отделены от основного центра жизни мира, а потому представляют не слишком большое значение и не обладают тем влиянием, как, например, Александрия или любая другая страна на севере Большого Континента. К последнему относятся и Протелия с Гедорном, у которых общий Великий Викаран. А это довольно скверно, когда две страны, подконтрольные одному Викарану, затевают свору.

– И все же, – несколько отрывисто ответил глава Совета, – зачем нам наместник? У нас нет магов.

– А как же вчерашнее происшествие?

– На холме-то? Там же были Убийцы из Манона, верно? Возможно, они планировали какую-то диверсию и подорвались на своей же бомбе.

Лютер не стал пояснять очевидное – в Эфере не имеет никакого смысла устраивать диверсии.

– Там были и убитые от меча. Ачукалла сглотнул.

– Значит, с ними разделался какой-нибудь солдат, но просто скромничает в этом признаваться. Не все, знаете ли, стремятся к славе и почету.

Это звучало бы вполне разумно, если бы не обожженная палочка, напоминающая самодельный конфигар, и затупленный нож, явно не солдатский. Да и следов взрывчатки не было обнаружено. Не говоря уже о том, что наемники, очевидно, убиты не местными поделками, гордо именуемыми мечами. Лютер уже видел похожие раны, и прекрасно знал, чьим оружием они могут быть нанесены. В воздухе витало лишь два вопроса: что берсеркер делает так далеко от родины спустя четыре года после войны? и кто и зачем нанял Убийц из Манона, чтобы от него избавиться?

Говорить все это Совету не имела смысла, они все равно будут делать вид, что ничего не знают и не о чем не слышали, продолжая выдвигать дурацкие предположения.

– Что ж, – вновь заговорил Лютер, – возможно, в чем-то вы и правы. Кроме одного: магия все же была задействована во вчерашнем инциденте. И мы обязательно выловим всех волшебников в городе.

Лютер покинул цитадель с обуреваемыми его чувствами, лишь многолетняя выдержка не позволила ему выразить их на лице или в жестах, хотя шел он все же чуть быстрее, чем должно.

– Они знают больше, чем говорят, – сказал Войтос очевидное, отчего Лютеру пришлось вновь сдерживаться, чтобы не повысить голос.

– Это и так понятно. Все политики имеют грязные тайны.

– Что будем делать?

– Как всегда: ловить мерзких колдунов и поджаривать им пятки. У нас меньше месяца, так что придется действовать жестко, не хочу застрять в этой дыре на всю зиму.

Ловить колдунов – дело не из легких, и простые граждане, пусть и побаиваются Викаранай, понимают это. Без них поимка магов была бы просто невозможна. Лютер был уверен, что как только они начнут задавать вопросы, им ответят, расскажут все слухи,

пропитавшие этот город, укажут пальцем на любого подозрительного человека, потому что страшные маги где-то там, а викаране прямо перед носом. Молестию не особо импонировало, что магов и викарнов боятся почти одинаково, но лучше так, чем чтобы церковников считали бесхребетными служаками, которые только и могут, что страшить словом.

Не пройдет и декады, как почти все маги превратятся в пепел, а там и наместник-викаран прибудет со своим сопровождением, которым придется поскрести по сусекам и изловить всех оставшихся крыс с конфигарами в кривых лапах. Необходимо было лишь дожидаться.

По пути четверо из десяти рыцарей отправились по занятым ими постоянным дворам, Лютер же в сопровождении вернулся в свое «Пристанище крыс». *А что, если это название соответствует истине? Если так, то они сбежали еще в первый день. Нужно узнать у хозяина список всех, кто покинул двор после прибытия сюда Викараная.*

На пороге Лютера встретил знакомый запах готовящейся к ужину еды и один из рыцарей.

– Ваше Боголюбие.

– Что случилось?

– Там к вам... мальчишка.

– Мальчишка? – нахмурился Лютер. – Какой еще мальчишка?

– Говорит, что к вам. Ну, не конкретно к вам, говорит, что у него ценная информация для самого главного викарана.

Мальчишка сидел за одним из столов и хлебал постную похлебку. Одежда в несколько слоев была сильно помята и покрыта грязью. Руки и лицо тоже оказались далеки от чистых. Типичный беспризорник, каких полно в любом городе.

– Мальчик, ты хотел поговорить со мной? – обратился к нему Лютер. Он не особо умел общаться с детьми, а потому старался говорить как можно более непринужденно и легко, словно с умалишенным.

– Вы самый главный? Правда? – спросил мальчик нарочито невинно.

– Правда. Вот только сейчас я общался с Городским Советом. Так что ты хотел мне сказать?

Мальчишка немного замялся, словно не зная, говорить ему или лучше промолчать. Ребенка от актера отличает лишь рост, и Лютер в равной мере не доверял ни тому, ни другому. Нельзя недооценивать людей, особенно если они на первый взгляд кажутся безобидными. Молестий сразу опознал в этом мальце посака.

– Я находился в одной харчевне, – начал мальчик, – отдыхал после работы помощником у местного кадаша, как вдруг в двери вломилось двое. Один мальчишка, лет, наверное, шестнадцати, злобный такой, размахивал какой-то маленькой палочкой, а второй... второй настоящий бородатый великан. Он был таким большим и сильным, что случайно головой сшиб балку на потолке. А еще у него был меч, большой, почти с него ростом. Я даже не успел опомниться, как они начали все вокруг крушить. Здоровяк этот своей железкой, рыча, как медведь, а второй... – Мальчик запнулся.

– Не бойся, они тебе ничего не сделают, мы сможем тебя защитить.

– Да. Так вот. А второй вдруг начал выпускать из своей это палочки разноцветные искры и что-то выкрикивать на неизвестном языке, а столы и скамейки вдруг взлетели к самому потолку. Несколько человек они убили, а остальные, как и я, успели сбежать. Перед этим я

успел заметить, как они у моего хозяина, то есть у хозяина харчевни потребовали деньги.

Мальчик явно врал, причем заранее подготовленной ложью, и все же умудрился запутаться и сказать лишнего. Однако ложью было не все, а иначе он не пришел бы сюда, где его могут легко передать суду.

Высокий человек мог оказаться берсеркером, а кто второй? Мальчик лет шестнадцати? Неужели тот самый волшебник, устроивший взрыв на холме? Если ему и правда столько лет, то на начало войны ему было всего семь. Он не мог обучаться в школе волшебства, а значит... Возможно, он чей-то ученик, обучающийся тайно за стенами этого города, где никогда не ступала нога викарана.

Но что его объединяет с берсеркером, наемником из Шаджары, участвовавшим в войне против магов? Вопросов только прибавилось, и это не считая того, что невозможно понять, где мальчик врет, а где говорит правду. Искры из конфигара? Явная ложь, однако сам он и правда мог присутствовать. Такая же самоделка или настоящий? Тогда почему он?.. Вопросы, вопросы.

– И что же произошло дальше? Куда они пошли?

– Я не знаю, господин, я сбежал, мне лишь было велено передать, как все было.

– Кем велено?

– Ну... эм... Хозяином харчевни. Да. Когда я увидел, как те двое убежали, я вернулся, а Каллан так и сказал, сходи, мол, передай Викараная, что тут стряслось, пушай они поймают подлых чернокнижников и сожгут их. Да.

Лютер дал мальцу монетку и отпустил. Нужно было обдумать все сначала, слишком многое не вязалось в этой истории.

– Может, надо было спросить, где находится эта харчевня? – предложил Войтос несколько запоздало.

– Это не наша работа.

– Вы ему поверили?

– Сегодня уже поздно, – вздохнул Лютер. – Завтра приступим к расспросам и всему остальному. Особенно интересуйтесь бородатым здоровяком с большим мечом и мальчиком лет шестнадцати при нем.

Больше Лютер ничего не сказал, а Войтос не посмел спрашивать.

Через полчаса принесли ужин, после которого молестий отправился к себе.

Этот город оказался интереснее, чем он считал на первый взгляд. Актеры, дети и города – все они способны принимать любой облик.

Но волшебники куда хуже.

Глава 4: Непредвиденные обстоятельства

Айван быстро выяснил, где остановились рыцари-викарне, и Нандин снял комнату с двумя кроватями как можно дальше от тех мест, но долго ворчал о качестве постоянного двора, однако все же не желал принимать заявление парня, что кряж ему больше ничего не должен.

– Мой меч давно не поднимался за праведное дело, – сказал он.

Никто из них понятия не имел, что делать дальше. Цитадель была огромна, и если вещи Айвана все еще там, то найти их будет практически невозможно. Да и как пробраться внутрь? К парадному входу вел один единственный мост, упирающийся в ворота, у которых всегда дежурил привратник, а позади разместились двухэтажные бараки, в которых жила городская стража. По обе стороны от цитадели тоже стояли домики, в которых отдельно жили семьи этих самых стражников, окруженные цветущими садами, однако входов там не было, лишь зарешеченные окна.

В общем, проникнуть внутрь не представлялось никакой возможности. Однако Нандин так не считал.

– В свое время мы штурмовали цитадели в три раза выше и крепче этой, – заявил он.

– Для штурма нам понадобится целая армия. У тебя она есть?

– Я не мастер тайных проникновений, привык действовать в лоб, как и любой берсеркер, но сам наблюдал воочию, как замки рушились изнутри всего одним человеком. Главное – попасть внутрь.

Главное и невозможное. Дела словом не заменишь, а болтать можно хоть до следующего утра.

– Даже если мы каким-нибудь волшебным образом и проникнем внутрь, где нам там искать мои вещи?

– О, точно! – подпрыгнул здоровяк, отчего пол под ним жалобно заскрипел. – Я ведь и забыл, что ты чернокнижник.

– Тише, – зашипел Айван. – Да и какой из меня чернокнижник без книги?

– Ну, это дело поправное. Так вот, если ты чародей, неужели тебе трудно проникнуть в какую-то там полуразвалившуюся цитадель? В свое время мы...

– Не могу я, – прервал этот самый чародей изливания берсеркера. – Я не знаю ни одного заклинания, которое поможет мне попасть внутрь. Будь я таким могущественным магом, мне бы не понадобилась твоя помощь, чтобы запугать тех посаков.

Нандин притих. В свое время он воевал против магов, точнее, против их аманов, и даже для них подобные стены не являлись непреодолимой преградой. Он встречал и магов низкого уровня, но даже те знали основные заклинания, позволяющие им делать просто невероятные для обычных людей вещи.

– Так ты седокта, – догадался берсеркер. – Маг-седокта. – Айван ничего не ответил. – А я-то все гадал, почему ты так просто убил тех людей.

– Просто? – всплеснул руками парень. – Я никогда до этого никого не убивал. Да меня до сих пор трясет. – Тут Айван несколько преувеличил, потому что тряся он по многим причинам. – Да, я не обучался магии в Академии, но будь моя воля, я бы вообще от нее отказался.

– Так почему не откажешься?

Айван замылся.

– Не могу. Пока не могу.

Нандин не стал на него давить. Не может – значит, не может, кабы мог, сделал бы это давно, а тогда бы лежать берсеркеру сейчас на холме бездыханной грудой.

– Слухай, – спохватился здоровяк, – я так и не узнал твоего имени.

– Правда? Айван Косей я.

– Приятно познакомится, Айван, – сказал кряж и протянул руку. – А я – Нандин. Парень пожал протянутую руку, в которой его узкая ладонь просто утонула.

День клонился к вечеру. На горизонте словно вспыхнул мировой пожар, отсвет которого освещал небо золотистым свечением на востоке. Айван не был ценителем прекрасного, а потому для него сей вид не отличался от любого другого. Однако сам Нандин, пусть и повидавший мир, любил полюбоваться всем, что мило глазу. Это словно на время застилало ему кровь и множество тел, стоящих перед взором. Он убил так много людей, да и не только людей, что все они давно превратились в одно сплошное кроваво-грязное пятно.

Сколько еще он убьет? Больше, чем хотелось бы, и нет смысла убеждать себя, что это лишь самозащита, а значит, и нет смысла все время лишь защищаться. Берсеркеры гордятся своей силой и храбростью, они никогда не сбегают с поля боя. Однако Нандин сбежал, и не важно, прав он тогда был или нет. С тех пор его жизнь сплошь состояла из одной лишь бесконечной беготни.

Он предложил направиться в цитадель этой же ночью, однако Айван отверг это предложение. Без подготовки и вразумительного плана соваться туда просто не имело смысла. Если там и правда обитает маг, то парень ему не соперник. Намного лучше подождать, что предпримет Викаранай, возможно, они смогут его схватить, и тогда путь окажется куда безопасней.

– А если они схватят тебя?

– Меня? – удивился Айван. – За что? У меня нет ни гримория, ни конфигара, из меня такой же маг, как и из тебя.

– Думаешь, они будут разбираться? Если захотят, они сначала разделаются с тобой, а потом придумают веский довод. И не забывай, что твои вещи, скорее всего, они заберут вместе с тем магом, а то и вовсе уничтожат на месте. И мага, и вещи.

Айвану не оставалось ничего другого, кроме как согласиться. Викаране ненавидели магию во всех ее проявлениях, и не важно, используют ее во вред али во благо. Магия – зло, но таковой она стала лишь после появления так называемой Армии Чистых Людей, которая, спустя время, присоединилась к Церкви Богов Четырех Сторон Света в качестве отдельной военной силы. Но он сомневался, что они смогут поймать таинственного волшебника так уж быстро. Как минимум пентада в запасе у них точно была.

– Дело твое, – пожал могучими плечами Нандин. – Только учти, что надолго я здесь не задержусь.

– А куда ты собираешься?

– Не знаю. Подальше от Викараная.

– Так дальше некуда. На юге лишь Ледяные земли.

– Значит, так тому и быть, – смиренно ответил берсеркер.

Айвану трудно было понять этого здоровяка. Мурра сказал, что он с севера Большого Континента, и для парня, который раньше никогда не покидал родной деревни, это было

равнозначно другому миру, и теперь он бежит от врагов, да так далеко, что забрел на юг соседнего континента.

Путь Айвана, однако, пролегал куда дальше, но он ведь и не убегал от врагов. На самом деле, он предпочитал прятаться, это, по его мнению, куда эффективней, и является проявлением трусости в куда меньшей степени, чем бегство. Нандину, конечно, он подобное говорить не собирался, не потому, что боялся, а потому, что здраво смотрел на вещи. Берсеркер ему необходим, а иначе его бесконечно долгий путь закончится, не успев начаться.

– Так что, – вновь заговорил Нандин, – когда приступаем?

– Восход заката золотей, – ответил Айван. – Завтра поговорим.

Живя в деревне, Айван привык поздно ложиться и рано вставать. В городе привычка его не пропала, так как спал он меж двух домов на старом тюфяке, постеленном прямо на земле. Помимо неудобства, его мучила и мошкара, которая, правда, ближе к осени почти пропала. Честные работники вставали рано, богатые же перекладывали утренние дела на своих помощников и заместителей, а потому еще затемно по улицам топал народ, чьи шаги по бульжной мостовой будили бездомного парня.

Впервые за два месяца он лежал в более-менее мягкой и теплой постели, если не считать топчана у Мурры, провонявшего травами и чем-то едва уловимым; Айван считал, что это запах смерти, но старался об этом не думать. Кровати постоянного двора тоже не пахли розами, но и не воняли так сильно. Одним словом – блаженство.

Проснулся он от осязаемого толчка в плечо.

– Не спи – замерзнешь, – ухмыльнулся Нандин.

– А? Что? Сколько времени?

– Солнце уже встало. Айван потянулся, отчего у него на спине свело мышцу, но он быстро пришел в норму. Встал, умылся прохладной водой в медном тазу и оделся.

– Ты уже завтракал? – спросил он.

– Ждал, когда ты проснешься, но за это время успел проголодаться.

Они спустились вниз и уселись за свободный столик недалеко от камина. Завтрак и ужин были включены в оплату за комнату, однако оказались столь скудны, что ни у кого не оставалось выбора, кроме как заказать еще сверху. Айван, так как платил Нандин, заказал овсянку, яйца с беконом, картофельный суп с кусочками курицы и пшеничную лепешку. Берсеркер же решил обойтись куском жареной говядины с кровью, целой курицей, тремя головками репчатого лука и кружкой пива.

– Ну, так что, – спросил берсеркер, заедая оторванную куриную ножку луком и запивая все это большим глотком пива, – надумал что-нибудь?

– Когда? Я же спал.

– Говорят, во сне часто приходят дельные мысли.

– Может, и так, но поутру они обычно вылетают из головы. Нандин пожал плечами.

После плотного завтрака они вернулись в комнату, где кряж вновь принялся за расспросы. Парень не знал, что ему ответить. Проникнуть в цитадель, найти вещи, выкрасть их и так же незаметно вернуться обратно. Звучит просто, однако у Айвана не было ни одной идеи, как совершить хоть что-то из данного списка, о чем он громогласно и объявил Нандину.

– Прямо совсем ничего? – с недоумением спросил тот.

– Ну, не прямо, – неуверенно ответил Айван. – Просто все эти идеи не выдерживают критики.

– Давай ты мне их поведаешь, а я скажу, хорошие они или нет.

Пробраться за стену цитадели не представлялось особо сложной задачей: ворота охранял всего один привратник, и он мог либо спать, либо его можно было по-тихому стукнуть по голове. А вот дальше все представлялось намного сложнее. Стрельчатые окна на первом этаже зарешечены, а в передние двери ломиться и вовсе не имеет смысла. Зато существовал еще и задний ход, выходящий на небольшой сад, за которым располагались бараки стражников. Если живущие в цитадели беспечные глупцы, надеющиеся, что любого злоумышленника поймают стражники, то он мог оказаться открыт.

Даже если каким-то образом и получится проникнуть внутрь, неизвестно, где находятся украденные у Айвана вещи.

– А если действовать напрямик? – предложил Нандин.

– Это как?

– Ну, я знаю, что на севере этой страны намечается война. Я мог бы притвориться посланником короля, который требует людей, или оружия: по пути сюда я наткнулся на деревню с мельницами, наверняка, там и кузни есть.

Айван хмыкнул.

– Что?

– Извини, – сказал он, – но ты не очень-то похож на посланца короля.

– Про тебя вот тоже не скажешь, что ты воробей, – нахмурился Нандин.

– Воробей? – недоуменно переспросил Айван.

– Ну, или как там? Ты же вот ворожишь.

– Тогда по-другому будет. Ворожбей. Нет, погодь, воробж... Ворожей?

– Да Бездна с ним, главное, что ты не похож и все.

Спор продолжался. Айван предлагал все новые идеи, все более безобразные и бессмысленные, а Нандин по большей части молчал, хотя и уверял, что будет говорить, дельные они или нет. Хотя все было понятно и по его молчанию.

Минут полдень. Быстро пообедав, они вышли на улицу, так как берсеркер предложил хотя бы для начала осмотреть эту самую неприступную цитадель поближе. Айван еле уговорил его оставить свой чудовищный меч в номере, чтобы не привлекать лишнего внимания.

На небе собирались темные тучи, словно небесные лужи на синей тверди. Еще день, и эти беларужины обрушатся на землю, образуя лужи вполне настоящие, на сей раз не иссохнувшие под гнетом безжалостного светила, и тогда можно будет с уверенностью сказать, что пришла осень. Деревья уже начали увядать, приобретая желтые оттенки, чтобы в следующем году сызнова окраситься в зелень. Айван к тому времени надеялся давно уже быть настолько далеко, насколько никогда не был ни один человек.

Цитадель стояла на прежнем месте, огромный каменный куличек, созданный сотни лет назад, и который простоит не меньше. Гигантская и уродливая, как бочка, опоясанная вокруг неприступной стеной.

Однако Нандин имел иное мнение.

– Ну и развалюха, – протянул он. – У нас бы за такую работу строителя руки отрубили, а потом заставили бы перестраивать.

– Без рук? – поразился Айван.

– А? А, да это я так. Это что-то вроде поговорки у нас: один строитель без рук лучше двух с руками. Говорят, что когда-то давно за плохую работу король приказал всем, кто

участвовал в возведении его дворца, отрубить руки по локоть (хотя по другим вариантам – лишь кисти), а затем все переделать. В общем, перестроили они, да так хорошо у них вышло, что король приказал отрубить руки уже под самый корень, дабы они не смогли сотворить подобную красоту кому-то еще.

– Жестоко.

– Зато как мотивирует, а?

К цитадели и впрямь шел лишь один мост, однако через саму реку их было гораздо больше. Пришлось совершить изрядный крюк, но в конечном итоге они оказались по другую сторону, теперь шагая вдоль высоченной стены, которая выглядела не менее потрепанной, чем городская, словно ее пожрала какая-то огромная камнеедная моль.

Они обогнули стену и оказались с противоположной стороны цитадели, где находились точно такие ж ворота, как и у главного входа, только у них не сидел привратник. Да это и не требовалось, ведь прямо за ними располагались бараки стражников. Какой здравомыслящий человек решит тут пробраться?

Айван слышал, что когда-то у этих ворот полукругом располагался ров с водой, соединяющийся с рекой, через который шел мост, однако позже мост убрали, а ров засыпали, и теперь на его месте мостовая выделялась более сумбурным расположением булыжников, торчащих из земли, словно кривые зубы старого пьяницы.

– Думаю, ночью тут можно пройти, – сказал Нандин.

– Пройти? Тут же полно стражников!

– Ты здесь два месяца, а я второй день, и то вижу больше твоего. Ты только взгляни на них, они бродят вокруг и маются от безделья. Доспехи не начищены, мечи болтаются на ремнях, они даже не смотрят, что происходит вокруг. Если на них нападут, они просто разбегутся.

Айван не был в это так уверен. Сам он успел за проведенное в городе время побегать от них не раз и не два. Хотя ему везло, и он каждый раз удачно от них смывался. В этом плане посаки и хозяева харчевен казались порасторопней. И все же от одной только мысли, что придется в темноте пробираться к цитадели, когда вокруг полно вооруженных мечами людей, у Айвана крутило желудок.

Нандину пришлось сражаться сразу с девятью, и то, он не вышел бы из боя живым, если бы не вмешался парень, а тут жило не менее пары сотен стражников, и мечи у них побольше, чем у тех, в черных одеяниях.

– Может, и разбегутся, – ответил Айван, – только нападать на них некому.

Берсеркер ничего не ответил, хотя парень ожидал, что тот начнет с ним спорить. Вместо этого они вернулись к мосту тем же путем, перешли через него и направились в сторону постоянного двора. И за все это время никто из них не проронил ни слова.

Нандин, идущий впереди, выйдя за угол, неожиданно бросился назад, чуть не сбив с ног Айвана.

– Ты чего?! – спросил тот удивленно.

– Посмотри, только осторожно. Айван заглянул за угол и обомлел, тут же быстро убрав голову. Через дорогу, прямо у порога их постоянного двора находилось несколько рыцарей-викаранов.

– Они нас ищут? – удивленно спросил парень, хотя ответ и так был очевиден.

– Не знаю, – покачал бородой Нандин и вновь выглянул за угол. – Отродье Бездны! – чертыхнулся он.

– Что там?

– Они вынесли мой меч. Похоже, меня они и искали.

Айван до сих пор не понимал, зачем Викараная искать берсеркера, ведь они во время войны были на их стороне, точнее, на стороне Армии Чистых Людей, однако Нандин не распространялся на этот счет: если захочет, сам расскажет, хотя, на самом деле, Айвана это не особо заботило. Вот только быть пойманным вместе с ним в его планы не входило, но если подобное все же произойдет, он собирался как следует поразмыслить над тем, как выкрутиться.

Берсеркер его похитил и заставил ему служить – звучит убедительно? Нандин не был похож на похитителя, скорее, на убийцу, да и зачем ему обычный парень? На продажу? Ради утех? Как живой щит? Главное – побольше всхлипывать и заламывать руки, и тогда он вполне сойдет за невинную жертву, а его внешность, благодаря которой он выглядит моложе своих лет, окажется отличным подспорьем.

– И что нам теперь делать? – спросил он.

– Зря я тебя послушал и не взял его с собой, – сокрушенно помотал Нандин головой. – Без оружия в руках я чувствую себя что голым. Хотя бы деньги захватил.

Айван так и услышал ответ на свой вопрос, а потому его повторил.

– Вот что, – повернулся к нему берсеркер. – Давай заключим сделку: я помогу тебе вернуть твои колдовские вещички, а ты с их помощью поможешь мне вернуть меч. Мне кажется, это вполне справедливо.

Однако Айван так не думал. Он спас Нандину жизнь, даже дважды, если считать помощь Мурры, однако сам он в ответ пока ничего не сделал, но при этом требует невозможного: вернуть то, что забрал Викаранай.

– И как я это сделаю? Ты сам знаешь, что из меня никудышный маг, я буду лишь под ногами путаться.

– Ничего, – махнул своей здоровенной рукой берсеркер, – что-нибудь придумаем. А теперь давай уходить, а то мы слишком привлекаем внимание.

Нандин пошел вперед с таким видом, словно знал, куда идет, и Айван поплелся следом. Он надеялся, что викаране схватят того мага, что скупил его вещи, заодно повесив на него и происшествие на холме, однако они решили искать его не в цитадели, а снаружи.

Возможно, в этом есть свои положительные стороны.

***

Постоялый двор, где остановились «здоровяк и мальчишка», нашли довольно быстро, однако их самих там не оказалось. Но было доказательство: огромный меч. Он оказался таким большим и тяжелым, что рыцарю, тащившему его, пришлось держать рукоять двумя руками, поднимая ее до самой груди, чтобы опущенное вниз острие не скребло землю.

– Никогда не видел таких больших мечей, – выдохнул Войтос.

– Это потому что мы с тобой сражались на разных полях боя, – ответил Лютер.

– Думаю, такой машиной может владеть разве что берсеркер, хотя они обычно предпочитают топоры.

– Отнесите меч на постоялый двор, где я остановился, – скомандовал молестий рыцарям.

– А мы разве не отправимся следом?

– Нет. Мы устроим засаду. Берсеркеры сильны, но без своего оружия им не справиться с элитными рыцарями.

– А маг?

Лютер немного помолчал, взглядываясь в переулки домов на той стороне улицы.

– Наша обязанность – ловить магов и всех, кто им импонирует, – ответил Лютер назидательно. – Будь это хоть берсеркеры, хоть авири, мы обязаны защитить мирных граждан от зла. Тебе понятно, Войтос?

– Да, Ваше Боголюбие.

– Тогда не задавай больше подобных вопросов.

Молестий оставил в гостинице несколько рыцарей, а сам с прислужником отправился к себе.

– Они не придут, – словно для самого себя сказал Лютер.

– Тогда зачем засада?

– Даже умнейшие из умнейших делают глупые ошибки. Не хочу стать одним из них. И все же на этот постоянный двор им возвращаться не имеет смысла, ведь там нет того, что нужно берсеркеру.

– Меч? – догадался Войтос. – Вряд ли он будет так рисковать ради него.

– Кто из них двоих верховодит? – задал Лютер казалось бы риторический вопрос.

– Если маг всего лишь мальчишка, то, думаю, берсеркер.

Лютер неопределенно покачал головой и ничего не ответил. Войтос достаточно его изучил, чтобы понять, что он сомневается.

Сам прислужник не сталкивался с берсеркерами во время войны, о чем не жалел. Во время сражений он старался держаться подальше от основного столкновения, и все равно выжил лишь чудом. Однако Лютер всегда находился в самой гуще битвы, на острие атаки, и тоже остался жив. Как тогда это можно назвать? Чудо сюда не подходит. Промысел Богов? Покровительство высших сил?

Так или иначе, Войтос был рад служить молестию Лютеру, ведь если на его стороне Боги, то и ему самому нечего бояться. К сожалению, Боги редко влияют на события мира, а потому бóльшая часть проблем ложится на плечи простых смертных.

Войтос знал, что следующий вопрос одновременно рассердит и потешит Лютера, потому что он не любил, когда его спрашивают одно и то же, зато обожал, когда кто-то считал его достаточно умным, чтобы советоваться с ним.

– Что будем делать дальше?

– А разве не ясно? – вскинул он руки. – Продолжать искать. Вряд ли теперь эти двое останутся на каком-нибудь постоялом дворе.

– А если они убегут из города? – предположил прислужник.

– До этого ведь не убежали. Значит, их здесь что-то держит. Да еще и меч берсеркера у нас, он его так просто не оставит. Сегодня ближе к ночи отправимся в цитадель, ибо город пусть и мал, но у нас не достаточно людей, чтобы все осмотреть. Пусть стража хотя бы раз в жизни отработает свой хлеб.

Войтос оказался обескуражен.

– Ваше Боголюбие, но почему именно ближе к ночи? Не лучше ль назначит поимку на утро? Утро вечера мудренее.

– Вот именно, – ухмыльнулся Лютер. – Ночью голова соображает хуже, чем днем, люди

устали и хотят спать, они перестают осторожничать, надеясь, что тьма скроит их не менее темные делишки, и делают ошибки. Все, но только не я. А местная стража что днем, что ночью – соображает одинаково. Нам нужно спешить, пока эти двое не нашли подходящую дыру, чтобы в нее забиться.

Войтос понимал ход мыслей молестия, однако не во всем был с ним согласен. Берсеркера нельзя недооценивать, даже без оружия. Прислужник много слышал об этих кровожадных убийцах с горящими глазами. Если один такой потеряет контроль, его и невооруженного вряд ли остановит целый отряд стражников, особенно таких, как здесь. А еще берсеркеры лучше видят в темноте, это роднит их с магами. Носители Скверны.

Однако прислужник на то и прислужник, чтобы выполнять распоряжения и помогать молестею, а также давать советы, но лишь в тех случаях, когда они могут оказаться к месту. Лютер же очень умен, и Войтос просто не хотел прослыть глупцом, а потому в данном случае решил промолчать, в конце концов, до сего дня Теза очень редко ошибался.

Лютер вошел на постоялый двор «Пристанище крыс» и подождал, пока подойдет остальные рыцари.

– Сегодня с наступлением ночи отправляемся на поиски еретиков, – сказал он громко, – поэтому советую вам всем как следует выспаться.

Солдаты кивнули. Кто-то поплелся в свои комнаты, остальные, видимо, решили лечь пораньше, другие, возможно, и вовсе не желали спать. Лютер уже отправил людей к другим постоялым дворам, чтобы те передали послание остановившимся там рыцарям, а затем направился в свою комнату.

Для сна ему не требовалось много времени, поэтому пока ложиться он не собирался, он лишь хотел осмотреть меч, принесенный в его комнату (он ее не запирает, так как кому придет в голову обкрадывать викарана?).

Он и в самом деле оказался огромен для простого человека. И ужасно поношен. Лезвие давно затупилось, острие округлилось, рукоять едва не отваливалась. Лютер вспомнил того человека на холме, чья голова оказалась разрублена надвое, как спелый арбуз. Будь меч в идеальном состоянии, берсеркер смог бы рассечь того убийцу пополам почти не прилагая усилий.

Молестий достал из карманов старый нож, не лучше этого меча, и обугленный кусок деревяшки. Когда-то он сражался с аманами, берсеркерами, Южными Головорезами и рактавиями, боролся за мир, который мечтал изменить, а теперь ему приходится гоняться за одиноким берсеркером с полуразвалившимся мечом и мальчишкой, магом-седоктой, у которого вместо конфигара кривая ветка, в настолько далеком городе на юге страны, что о нем забыл даже собственный король.

Ему обещали совсем не этого.

Глава 5: В цитадели

Когда тебя прижимают к стенке, ты забываешь об осторожности. Либо дерись, либо смирись. Из двух зол следует выбирать не меньшее, а то, которое выгоднее тебе. Даже если ты добросердечный герой старинных былин, то тоже должен примкнуть к большему из зол, дабы изнутри уничтожить его под самый корень. Только трус и слабак выбирает зло поменьше, поборов которое, он получает славу и почет.

Айван не считал себя трусом или слабаком, однако старался держаться от крупных заварушек подальше, если надо, убегая со всех ног в противоположную сторону. В тот день на холме он этого не сделал, и к чему это привело? Его разыскивает Викаранай. Точнее, разыскивают Нандина, но и его могут схватить за компанию, а там отнекивайся, хоть пока язык не отсохнет, тебе никто не поверит.

Айван надеялся на силу берсеркера, но теперь без своего меча он превратился в простого бородатого оборванца в дырявых и подпаленных одеяниях. Однако силы ему предавало то, что после того, как они заберут вещи Айвана, он поможет здоровяку вернуть его меч. Проблема была лишь в том, что маг-самоучка понятия не имел, как совершить хотя бы один из этих невыполнимых подвигов.

– Скоро совсем стемнеет, – сказал Нандин, глядя на восток, где лишь недавно зашло солнце. – Нужно быть готовыми.

– К чему?

– Как к чему? – воскликнул он. – Нам необходимо проникнуть в цитадель.

– Легко сказать. Мы так и не придумали плана. Нандин лишь пожал плечами.

С того момента, как они обнаружили у постоялого двора викаранов, берсеркер не переставая бродил по городу, скупая всякие полезные на его взгляд вещи: веревку с трехсторонним складным крюком-кошкой, фомку, восковую свечку, нож и даже гасило. На все это он истратил почти все свои сбережения, хотя половину из этого Айван считал бесполезным хламом, однако сам Нандин думал иначе.

– Я участвовал не в одной битве, мальчишка, так что лучше знаю, что тут может пригодиться, а что нет.

– Не называй меня мальчишкой.

– Ты и есть мальчишка, и по возрасту и по опыту.

– Мне восемнадцать лет.

– Правда? – изумился берсеркер. – Я бы не дал старше пятнадцати. В моей стране у тебя бы уже была жена и как минимум двое детей. Без этих условий тебя бы не отпустили сражаться; именно в битве можно доказать, что ты настоящий мужчина.

Айвану было не по душе такое вот доказывание своего мужества. Он уже убил людей, при этом жестоко, пусть и не желал этого, и с трудом мог понять, как кто-то намеренно способен творить подобные вещи, да еще и ради такой глупости. Хотя не может быть такой войны, в которой главенствовал бы разум.

– А если никто не воюет? – спросил он.

– Ты не знаешь нашу страну, там всегда кто-нибудь да воют, с врагом али меж собой.

Это было еще хуже. *Не хотел бы я оказаться в его стране даже проездом*, подумал Айван.

На улице стемнело окончательно. Холод забирался под одежду, пробегаясь по телу

гусиной кожей, хотя, как предполагал Айван, он просто привык к теплу помещений: ночь у Мурры, ночь на постоялом дворе, и вот ты уже городской неженка. Нандину же, казалось, любая погода нипочем.

Они быстро, стараясь не шуметь, пробирались вдоль стены к входу в цитадель, на каждом шагу высматривая стражников, но те, похоже, предпочитали дежурству сон. Нандин нес гасило, готовый в любой момент воспользоваться им, Айвану же он отдал более привычный ему нож, намного лучше, чем предыдущий, и не железный, а стальной.

Как они и полагали, ворота по-прежнему стояли нараспашку, и их никто не охранял. Еще раз оглянувшись, они прошмыгнули внутрь и спрятались сразу за одной из створок, прислонившись спиной к холодному камню стены.

Вымощенная похоловшим камнем широкая дорожка, без единого вырванного булыжника, шла напрямиком к высокой живой изгороди, отделяющей бараки от самого уродливого строения крепости. Прямо в центре изгороди находился небольшой арочный проем, через который мог пройти большее один единственный человек.

Несмотря на общее запустение города, изгородь выглядела вполне облагорожено, пусть и слегка потускнела на фоне близкой осени. Сказывалось влияние женщин: жен и дочерей стражников, живущих в бараках, которым нечем заняться целый день, вот они и ухаживают за садом, примыкающим к крепости с двух сторон.

– Вроде все тихо, – прошептал Нандин, но с его голосом это мало походило на шепот.

– Тогда пошли.

Дорога крайне соблазнительный маршрут, ведущий напрямиком к задней двери цитадели, однако любой мог заметить их как из барачных, так и с улицы за спиной, а потому было принято решение двигаться вдоль округлой стены, скрываясь за редкими деревцами и кустарниками, обходя бараки с другой стороны.

Все было прекрасно, пока они не достигли живой изгороди, перекрывающей им дорогу.

– Могли бы и здесь сделать проход, – разочаровано цокнул языком Нандин, на мгновение заглушив стрекот кузнечиков.

– Что будем делать? Берсеркер взглядом оценил высоту изгороди, пересчитал все, что купил днем, и явно остался недоволен.

– Надо было захватить какие-нибудь большие садовые ножницы, а так мы до утра провозимся, да и шуму поднимется будь здоров. Ладно, – хлопнул он себя по ноге, от чего Айван чуть с места не перепрыгнул эту ограду, – придется топтать до прохода. Главное – не шуметь, парень.

Между изгородью и бараками больше не было почти никакой растительности, поэтому два человека оказались как на ладони, стараясь сколь можно ниже пригнуться, хотя Нандин при этом был едва ли ниже Айвана во весь рост, еще и стоящего на цыпочках. В окнах барачных стояла темнота, все стражники спали, хотя где-то вдалеке можно было услышать чьи-то приглушенные голоса и смех, и парочке крадущихся преступников чудом удалось добраться до арки и оказаться по ту сторону.

Их глазам предстал довольно большой сад-огород, располагавшийся слева от торчащей перед ними цитадели, с множеством кустарников и деревьев, по большей части плодоносных, а также несколько небольших грядок, большинство из которых давно опустели. Между всем этим стояло не менее двух десятков аккуратных двухэтажных домиков, в которых, видимо, жили семьи стражников.

Справа находилась небольшая дорожка, ведущая к задней двери цитадели.

– Пооди проверь, парень, – сказал Нандин.

– Почему я?

– Ты менее заметен.

Айвану не оставалось ничего другого, кроме как быстро и тихо добежать до двери и дернуть за ручку. Дверь не поддавалась. Он так же быстро вернулся и доложил об этом берсеркеру.

– Оно и не удивительно, – хмыкнул тот.

– Возвращаемся?

– Не глупи. Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы ни с чем остаться на пороге. – Он кивнул, призывая Айвана идти за собой.

Под сенью растений они добежали до одного из стрельчатых окон с решеткой, такого же темного, как и окна в бараках стражников.

– Видишь окно на втором этаже рядом с печной трубой?

– Да.

– Через него-то мы и заберемся, – ухмыльнулся Нандин и достал из мешка складной крюк-кошку.

– Но оно же застеклено, такой шум поднимется, что нас сразу поймают. *А еще окно слишком узкое, чтобы в него смог втиснуться такой здоровяк*, подумал Айван, но решил не произносить этого вслух.

Берсеркер, похоже, об этом даже не подумал, зато занялся этим прямо сейчас. Айван сомневался, что он проделывал нечто подобное раньше, а если и проделывал, то лишь в суматохе штурма, когда мало волнует, что услышит противник. Сейчас же стояла тихая ночь, и любой звук раздавался очень громко.

– Но окна же открываются, – выразил вслух свои мысли Нандин. – Хотя это никак нам не поможет, да. – И он снова задумался.

– Может, поищем другое окно? – предложил Айван. – Возможно, одно какое-нибудь да открыто.

– Эт вряд ли, – покачал головой берсеркер. Он еще раз посмотрел на крюк-кошку у себя в руках, потом огляделся вокруг. – Вот бы сюда мой меч.

Больше ничего не говоря, он подошел к окну первого этажа, протиснул сквозь решетку сложенный крюк и, надавив на специальный рычажок, раскрыл его тремя рогами, зацепив сразу за два соседствующих прута, а веревкой обогнул ближайшее дерево.

– За цитаделью давно никто особо не следит, так что все должно получиться. Подсоби мне, парень.

Айван не сразу понял, что задумал Нандин, а как догадался, его сразу же разобрало сомнение: каким бы сильным не был берсеркер, ему ни за что не вырвать толстую решетку из окна, даже если камень старый. А если и получится, шума поднимется не меньше, чем от разбитого окна.

Все это он выказал кряжу, но тот лишь пожал плечами, мол, не попробуешь, не узнаешь, терять-то все равно нечего, не считая свободы, а то и жизни, однако он почему-то был уверен, что все это останется при нем в том виде, в котором есть сейчас. Айван же сомневался, но переспорить берсеркера оказалось довольно сложно, как и в бою, он предпочитал решительные действия в лоб.

Упершись ногой в ствол дерева, кряж с кряхтением потянул за веревку, и Айвану не оставалось ничего иного, как схватить ее за конец и потянуть вместе с ним. Ноги

скользили по траве, однако парень старался изо всех сил, хотя, как ему казалось, Нандину от его помощи проку было чуть.

Когда Айван уже отчаялся и собрался бросить веревку, чтобы предложить оставить эту затею, он вдруг услышал у себя за спиной скрежет, а обернувшись, заметил, что вокруг решетки мелким песком обсыпается камень. *Работает!* Воодушевившись прогрессом, он еще сильнее налег на веревку. Трава под его ногами уже была вырвана с корнями, и мягкая земля сминалась под его худой обувью.

Трудно было предположить, сколько прошло времени, когда натяжение веревки резко ослабло, и Айван потеряв опору, упал на спину почти одновременно с вырванной из окна решеткой, которая обрушилась в опасной близости от его головы.

Руки болели от напряжения, а ладони жгло как от крапивы. Подняв их, трясущиеся, на уровень глаз, он обнаружил на них кровоподтеки. Зубы тоже ломило, так сильно он сжал челюсти. Подняв голову, Айван увидел уже стоящего на ногах довольного Нандина, тяжело дышащего прохладным воздухом.

– Ну, – кивнул он на окно. – Я же говорил. Вставай, парень, это только начало.

Айван с трудом поднялся на ноги и посмотрел на окно, в одночасье оставшееся без своей защиты. Берсеркеры и правда не по-человечески сильны; вряд ли это окно смогли бы вот так высадить даже пятеро крепких мужей, а Нандин смог, пусть и с совсем небольшой помощью Айвана.

Только вот окно по-прежнему закрыто, а открывалось оно только изнутри, о чем парень не преминул заметить вслух. Нандин усмехнулся и достал из-за пазухи небольшую фомку.

– Я же тебе уже говорил, что я в этом деле не новичок. Ну-ка отойди.

Не прошло и пары минут, как они оба оказались внутри цитадели. Можно было и быстрее, однако окно оказалось еще уже, чем трещина в стене, и Нандину пришлось раздеться до рубахи, чтобы через него пролезть бочком.

Они оказались в просторном помещении с камином рядом с тем окном, в которое они влезли, крепким столом, стульями и шкафом. В дальнем углу слева стояла пустая кровать, то есть без каких-либо спальных принадлежностей, просто деревянный остов. И здесь, судя по слою пыли, давно никто не бывал, что заметил и сам Нандин.

– Эт нам повезло, вряд ли сюда кто-то войдет и увидит взломанное окно, но нам все равно предстоит управиться до утра, потому что живущие в тех домах точно все заметят.

Берсеркер пошел к двери, и Айван направился следом. Дверь оказалась не заперта, но только Нандин успел ее приоткрыть, как тут же отпрянул назад, второй раз чуть не сбив с ног парня, и приложил к губам палец, призывая к тишине. Айван услышал шаги по мраморному полу, но Нандин своим массивным телом полностью закрывал маленькую щелочку от приоткрытой двери.

Спустя несколько секунд шаги затихли где-то в отдалении.

– Кто это был? Стражник? – спросил Айван шепотом.

– Если бы, – слотнул Нандин. – Это тот человек в маске, о котором говорил лидер посаков. И слуга, впустивший его, явно привык к подобным визитам.

– Неужели он и правда здесь живет? – поразился Айван. Больше всего, забираясь в цитадель, он надеялся не встретиться с этим таинственным магом, даже больше, чем желал вернуть свои вещи. Вернуться обратно в деревню он мог, а вот с того света вряд ли получится.

– Маловероятно, – помотал головой Нандин. – Зачем ему ходить в собственном жилище

в маске? Айван невольно усмехнулся: это была первая умная мысль, изреченная из уст берсеркера за все время их знакомства.

Но если он прав, то их теперь можно считать самыми неудачливыми людьми в королевстве: ворваться в цитадель именно в тот день, даже в ту же минуту, когда сюда решил заглянуть волшебник в маске. А что, если все вещи у него в другом месте, а он просто работает на Совет, иногда к ним заходящая за поручениями? Тогда весь этот риск – пустая трата времени.

Переждав еще с минуту, они вышли из комнаты, оказавшись в широком коридоре, уставленном толстенными колоннами с облупившейся краской. Слева находилась массивная входная дверь, а справа лестница наверх, разделяющаяся от площадки на две, ведущие в обратную сторону.

– Думаешь, мои вещи наверху? – тихо спросил Айван.

– Правители и вельможи любят сидеть, где повыше. Но вот свои драгоценности хранят наоборот, где поглубже. Так что ищем спуск в подвал.

По обе стороны от лестницы находились небольшие проходы к задней части цитадели, прямо под самими ступенями, а вот в выступающих стенах в противоположной от лестницы стороне располагались низкие деревянные двери. Это представлялось единственным местом, где мог находиться спуск в подземные хранилища. Было принято решение разделиться и попытаться открыть эти двери, а затем уже выяснить, что по ту сторону, но не успели они дойти даже до лестницы, как во входную дверь кто-то забарабанил.

Нандин и Айван тут же рванули по своим сторонам и затаились под лестницей возле деревянных дверей. Кто-то снова уверенно и сильно постучал, а спустя мгновение из одной из комнат вышел слуга.

– Иду, иду, – недовольно крикнул он, отворяя засов. – Кто там на ночь глядя?

Это оказался привратник, а за ним – сердце Айвана замерло, и он сильнее вжался в стену – викаране во всем своем рыцарском великолепии.

– Нам необходимо встретиться с главой Совета, – уверенным голосом заявил один из них.

– Уже так поздно... – было начал слуга.

– Наше дело не терпит отлагательств.

Дальше послышался какой-то невнятный шум, видимо, подумал Айван, викаране попросту оттеснили с пути слугу и направились к лестнице. Однако спустя секунду он услышал, как кто-то, спотыкаясь, бегом направился по лестнице вверх, а чуть погодя, звеня доспехами, за ним последовали рыцари. Тот же голос, что говорил у дверей, приказал двоим остаться у лестницы. Айван чуть не застонал от досады.

Спустя несколько секунд звуки шагов затихли наверху. Парень немного вытянул голову из-под лестницы и увидел стоящего спиной к нему рыцаря-викарана. Редкое пламя факелов блестело у него на доспехах, украшенных узором (на сей раз, видимо, они были без белых плащей), а на поясе в ножнах висел меч.

Айван понятие не имел, что делать. Через рыцаря ему не пройти, а дверь в предполагаемое подземелье выглядела не надежно, и одного касания может хватить, чтобы скрип разнесся на весь этаж. Нандин мог бы легко с ними разделаться даже без меча, но, почему-то, сидел не менее тихо, чем и сам парень.

Спустя несколько минут кто-то сбежал с лестницы на первый этаж и помчался к задней двери, но со стороны, где должен был находиться Нандин, однако слуга, чью спину успел

заметить Айван, даже не замедлил бега.

Парня не заметили только потому, что слуга так ни разу и не обернулся, но ведь он обязательно пойдет назад эти же путем. У Айвана не было выбора, и он все же рискнул открыть дверь, но не успел заметить, как его схватили и поволокли наверх, а ему лишь оставалось уповать на Нандина, который так и не появился.

***

Слуга, один из тех, что в прошлый раз находился в комнате отдыха, помчался наверх так быстро, что пару раз спотыкнулся в своих сандалиях на босу ногу, едва не покатившись с лестницы. Его спешность была оправдана, ведь не предупреди он своих хозяев о неожиданных гостях, те могут его попросту выгнать на улицу, а в городе, судя по запустению, работу найти не так уж просто.

А еще Совет мог заниматься чем-то таким, что не для глаз Викараная. Лютеру не нравилось поведение Ачукаллы и его реакция, когда он услышал о произошедшем на холме. Он что-то скрывает, и молестию предстояло узнать, что именно, но пока его больше волновали иные дела.

Когда он в сопровождении прислужника и рыцарей вошел в комнату отдыха, все без исключения члены Совета сидели за столом. Перед ними стояло две резные доски для игры в «Забор», хотя сам молестий больше предпочитал «Центр». Вот только «камни» были расставлены словно наугад, да еще и как-то криво, будто их набросали в спешке.

– О, Ваше Боголюбие! – вставая со своего места, воскликнул Ачукалла так, словно не ожидал увидеть перед собой Лютера; слуга стоял у двери, как и в их прошлый визит, не считая отсутствия ливреи, страдая отдышкой и бледностью лица. – Какая неожиданность, не думал увидеть вас здесь так поздно. А мы, вот, досуг проводим, поигрывая в «Забор». Не желаете присоединиться?

– Я здесь не для игр, иначе вместо оружия захватил бы свою доску. Мне нужны ваши стражники для поиска преступников.

– Преступников? Каких преступников?

– Разве это имеет значения? – наигранно подивился Лютер, а когда Ачукалла ответил, что ни в коем разе, продолжил: – Мы полагаем, что это именно они причастны к убийству на холме с использованием магии. У нас есть их примерное описание, но нам не хватает людей и знания города, чтобы все обыскать.

– И сколько же людей вам необходимо?

– Все до последнего.

Глава Совета открыл и закрыл рот, словно немая рыба. Лютер и добивался эффекта неожиданности; скажи он о своем плане ночных поисков еще днем, Ачукалла успел бы придумать какую-нибудь отговорку, но, как и надеялся молестий, импровизатор из него оказался никудышный.

– Но... они сейчас спят.

– Солнце только зашло, они еще не успели задремать. Да и стража они, в конце концов, или дармоеды? – повысил голос Лютер, что не могло не возыметь эффекта. Члены Совета переглянулись, а затем Ачукалла очень быстро взглянул на лестницу, ведущую на третий этаж. Это был мимолетный позыв, но глаз молестия был отточен до остроты сангуэйской шпаги, и подобные вещи он замечал на раз.

Ачукалла отдал приказ слуге, и тот, коротко поклонившись, помчался вниз, к баракам.

– Мы предпримем все возможное, дабы поймать всех злостных нарушителей, – заверил глава Совета и подобострастно осклабился.

***

Еще бы чуть-чуть и волшебник в маске убил бы спешно вбежавшего в двери слугу заклинанием Оледенения, которое, несмотря на свой средний уровень, мог использовать, произнеся лишь одно короткое слово. Заклинание тихое и убивает жертву мгновенно.

Не дослушав прерывистого заявления о вторгшихся викаранах, он помчался к лестнице наверх. Вместо того чтобы укрыться в одной из комнат или выбраться на крышу, колдун спрятался за угол. Он приготовил конфигар из лиственницы с сердцевинной из сушеного языка считалиса, пропитанного кровью самого волшебника, и стал слушать. Конечно, в данном случае лучше использовать посох или что-нибудь попрacticalней, но таскать с собой такие большие инструментарии слишком приметно.

Волшебник в маске негодовал. Буквально минуту назад его отчитывали за то, чего он не совершал, – взрыв на холме. Члены Совета слишком ограничены, чтобы сразу понять, что он к этому не причастен, ведь только глупец может воспользоваться столь приметным заклинанием, да и не где-нибудь, а на самой верхушек холма. Благо Совет все же поверил ему.

Он мог бы избавиться от них всех в один миг, и это тоже одно из того, что они не осознавали, поручая ему всякие глупые наказания, например, по весне понизить уровень воды в реке, чтобы она, не дай Боги, не добралась до стен цитадели. Однако убивать членов Совета не имело смысла, ведь на их место придут другие, и кто знает, что им взбредет в голову.

По приказу Совета волшебник в маске убил целую группу из почти двадцати викаранов, что явились в Эфер нынешней весной, но Викаранай прислал новых, и этих тоже было приказано убить буквально минуту назад. Но что это даст? Они уже успели отправить послание в столицу, и еще до конца следующего месяца в город войдут десятки викаранов во главе с наместником, и тогда ни один маг в городе не сможет чувствовать себя в безопасности.

Эфер, самый южный город континента, заприметили, подцепили крючком, словно рыбину, и она слишком слаба, чтобы сопротивляться. Бежать больше некуда, и если тебе осталось жить совсем немного, проживи этот срок с достоинством в сердце и оружием в руках.

Ни один опытный боец не станет нападать сразу на группу противников, а дождетя, когда они разделятся. Прошлые викаране почти все были убиты у себя в постелях следующей же ночью, как они прибыли в город, сгруппировавшись и поселившись в одном постоялом дворе, но сейчас они разделились. Убив одну часть, до остальных можно попросту не успеть, да и шум может подняться изрядный, кто-нибудь сообщит о произошедшем, и тогда оставшиеся будут наготове. Волшебник в маске не знал, было ли это случайностью или же продуманным ходом, но на всякий случай решил остерегаться нынешнего молестия.

Викаране уже собирались выходить, чтобы построить стражу и пояснить их задачу, как вдруг в дверь неожиданно вломились.

– Смотрите, кого я поймал на первом этаже. Прятался у двери под лестницей. У волшебника было острое желание высунуться и поглядеть, кого же они там поймали, но он

сдержался, понимая, что и так скоро узнает.

– Кто это у нас тут? – протянул молестий. – Как тебя зовут, мальчик? Мальчик не ответил, но маг услышал, как его встряхнули, словно мешок с картошкой.

– Айван, – ответил он угрюмо, и маг сразу узнал этот голос.

– И что же ты тут делал, Айван?

***

Попался! Айван знал, что это плохая затея, забираться в цитадель. Все стало только хуже, когда появился волшебник в маске, а за ним и викаране. Теперь еще вот и Нандин пропал. Куда же он делся? Ведь если он не поможет найти магические вещи, Айван не сможет помочь ему в ответ вернуть меч.

Но сейчас это было не так важно, ведь перед ним совет и викаране, а значит, нужно врать поубедительней, претвориться маленьким мальчиком, живущим на улице впроголодь. Отчасти так оно и есть.

– Я искал еду.

– В цитадели? – удивился глава Совета.

– Мы просто с ребятами поспорили.

– Ничего себе споры, – воскликнул Ачукалла. – Но не важно. Как ты внутрь проник?

– Задняя дверь оказалась открыта, – соврал Айван. Глава Совета, казалось, ничуть не поверил, однако спустя секунду у него на лице появилось осознание одновременно с гневом.

– Бездна возьми этого нерадивого Пабая! – воскликнул он. – Сто раз говорил ему всегда запирать все двери. Теперь точно вышвырну его вон. Давно пора.

Айвану было не особо жалко того слугу, ведь тот и правда забыл запереть дверь, да и отец всегда ему говорил, что в первую очередь следует думать о себе, а затем уже об остальных. Этому Пабаю самое большее грозит увольнение, а если все узнают, как именно вломился в цитадель Айван, да еще и кто его соучастник, их обоих сожгут на костре, или даже головы отрубят.

– Ты его обыскал? – спросил молестий у поймавшего его рыцаря.

– Нет, – ответил тот, прокашлявшись.

– Так обыщи.

Айван был рад, что почти все инструменты носил Нандин, потому что если бы у него нашли фомку или крюк-кошку, это могло все усугубить. Однако у него с собой были лишь заточенные колышки да нож. Ночью на улице опасно, так что это не вызовет подозрений.

***

Лютер едва сдержался, увидев у мальчика колышки, почти идентичные тому, что он обнаружил на холме. А если это совпадение? Сколько мальчишек в городе ходит с такими обструганными деревяшками? А еще у него был нож, стальной, добротный, не тот железный, годный лишь резать воду. Украд или купил новый? Но почему не сделал этого раньше? А ведь и по возрасту вроде как подходит.

– Вы когда-нибудь видели раньше подобные колышки? – спросил Лютер у Ачукаллы.

– Не припомню. А это важно?

– Возможно... Скажи, мальчик, ты сам их сделал?

– Да, – ответил Айван, искренне не понимая такой заинтересованности в каких-то заостренных коротких деревяшках.

Молестий глубоко вздохнул, обдумывая ситуацию. Верил ли он в совпадения? Нет, но он верил в провидение. Невозможно было отрицать, что существуют силы свыше, и иногда они помогают тем, кто в них искренне верует.

– Осмотрите здесь все, – приказал он своим рыцарям. – Хватайте всех, кого обнаружите.

Рыцари тут же кинулись исполнять приказ, остался лишь один для защиты Лютера, хотя они оба, как и Войтос, знали, что Теза сильнее и искуснее любого из них, однако у него могут возникнуть новые распоряжение, которые необходимо будет донести до остальных.

Дверь распахнулась как раз в тот момент, когда Лютер уже открыл рот, дабы выразить вслух свое замечание по поводу того, что слуга куда-то запропастился. Однако это оказался один из рыцарей.

– Там Ритар! – запыхавшись, выпалил он.

– Что? Кого-то уже поймали?

– Нет, он мертв. Ему перерезали горло.

Лютер выбежал в коридор раньше, чем рыцарь успел договорить о причине смерти. У подножия лестницы он обнаружил лежавшего ничком на мраморном полу Ритара, его глаза были широко раскрыты, а вокруг головы разлилось целое кровавое море. Яремная вена оказалась перерезана одним точечным ударом в шею. Столпившиеся вокруг рыцари глядели на своего товарища с печалью и гневом.

– Найти того, кто это сделал, – ледяным голосом приказал Лютер, вставая с колена. – Но не убивать. За смерть викарана он должен ответить соответствующим образом. Будьте осторожны, вы имеете дело с профессионалом.

Лютер не был мстительным, это противоречило его вере, однако убийца викарана по закону должен сжигаться на костре сразу же после признания своей вины под пытками, тем самым приравниваясь к магам. Отрубание головы тоже считается приемлемым, и применяется, когда нет времени на сложение костра, однако Лютеру некуда спешить. Как только он поймает берсеркера, то выполнит свою задачу со всей присущей ему ответственностью.

Облака вскорости предвещали дождь, а мокрый хворост разгорается долго; достаточно долго, чтобы человек успел раскаяться в грехах, пока его кожа покрывается волдырями от жара праведного пламени.

***

Крепкие руки в блестящих стальных рукавицах, украшенных чуть более темным узором, покоились на обоих плечах Айвана неподъемным грузом, с каждой секундой становясь все тяжелее.

Он не мог поверить, что Нандин вот так взял и убил рыцаря-викарна прямо в цитадели. Айван соврал, что забрался в цитадель, дабы стащить немного еды на спор, но теперь никто не поверит, что это событие и смерть рыцаря лишь нелепая случайность. Никто не будет слушать беспризорника; как только взойдет солнце, его сожгут на костре.

Но почему Нандин бросил его, а потом вот так подставил? Мурра говорил, что берсеркерам не следует доверять, однако Айван его не послушал. Если бы не он, магу-

недоучке до сих пор так и не удалось бы узнать, где его вещи. Зато он не стоял бы сейчас в комнате, полной членов Совета и викаранов, готовясь к худшему.

Худшее не заставило себя долго ждать. Дверь вновь распахнулась, и в комнату вошел Лютер. Лицо его было словно из камня, но глаза пылали огнем не хуже, чем у берсеркера, когда тот в гневе.

– Где второй? – спросил он бесцветным голосом, отчего по спине пробежали мурашки. *Откуда он знает о Нандине? А может, не знает, просто считает, что я пришел не один?*

– Какой второй? – изобразил удивление Айван. Удар был столь резким, что парень не успел даже напрячь живот, хотя это мало бы ему помогло. Он тут же осел на землю, застонав. Рыцарь бесстрастно повторил вопрос. Айван ничего не ответил, и тогда викаран что-то достал из-за пазухи.

– Это твое? Айван поднял глаза и от неожиданности забыл свою роль. Это был его обугленный колышек, который он использовал вместо конфигара, дабы защититься от убийц. Бросая его на холме, он даже не подумал о нем, как и о своем ноже.

Достаточное ли это доказательство, чтобы обвинить его в колдовстве? Для Викараная – более чем. Однако следующие слова рыцаря поразили Айвана еще больше.

– Скажи, где прячется берсеркер, и сможешь избежать казни.

***

Дела шли не лучшим образом. Волшебник в маске надеялся разобраться с викаранами во время их поисков виновников взрыва на холме, когда те разделятся и расползутся по городу. Он был знаком со многими магами в городе и мог попросить их о помощи в этом деле. Викаране будут искать, пока не найдут всех, так что выйти на ночные улицы и перерезать пару плотов и в их интересах.

Но тут выясняется, что те, кого они ищут, находятся прямо у них под носом, в цитадели. Хуже просто не придумаешь. Еще немного, и стража начнет обыскивать здесь каждый угол, даже удивительно, что они до сих пор не объявились.

Похоже, молестия это тоже волновало. В прошлый раз Ачукалла грешил на беспечность своего слуги, но теперь, после случившегося с рыцарем, уже не казался таким уверенным.

– Даже самый бестолковый слуга давно бы добежал до стражи и обратно, – сказал он. – Боюсь, его постигла та же участь, что и рыцаря.

Лютер дал новое распоряжение отправиться за стражами, но на сей раз это должна была сделать пара рыцарей. Они вернулись через несколько минут, заявив, что обе двери наружу крепко заперты. Выломать их было бы крайне трудно, так как цитадель создавалась для обороны от вражеских захватчиков, и двери, несмотря на общий упадок, оставались добротными и прочными.

– Мы здесь, как рыба в бочке, – заметил Войтос, тем самым выразив и мысли Лютера.

– Тогда в живых останется самая зубастая.

От этих слов члены Совета поежились и переглянулись.

Однако волшебник в маске не сомневался, что его зубки острее и больше любого в этой цитадели, обаче даже самого грозного льва может истерзать стая гиен. Необходимо быть осторожным и не рисковать попусту.

– Итак? – продолжил молестий. – Я все еще жду ответа.

– Я не знаю, – поникшим голосом ответил Айван.

***

А мальчишка не так прост. Лютер ожидал, что он расколется сразу, но тот продолжал упрямиться. Было очевидно, что этот Айван понятия не имеет, где сейчас берсеркер, однако молестию необходимо не это, а признание их связи, доказательства, что мальчишка колдун. Даже Викаранай, вопреки распространенному мнению, не казнит без доказательств, хотя некоторые викаране и правда не нуждаются ни в каких подтверждениях виновности.

Правильно задавать вопросы было одним из умений, которым обязаны владеть викаране звания молестия и выше. Хочешь узнать что-то конкретное, задай человеку вопрос о чем-то близком, но ином, и тогда он решит, что тебя интересует именно это, и сам не заметит, как ответит на незаданный вопрос.

Спроси, как ощущается кровь на руках, и ты узнаешь, убивал ли этот человек когда-нибудь.

Лютер вновь занес руку для удара.

– Стойте! – закричал Айван. – Я не знаю, где он, правда! Мы разошлись по разные стороны лестницы, когда постучали в дверь.

– Там входы в подземелье, – сказал Ачукалла.

Доказательства теперь были, хотя пока лишь косвенные. Берсеркер убил рыцаря и, возможно, слугу, однако Айван к этому не причастен, возможно, он и не маг вовсе, а тот мальчишка-посак очередной раз все преувеличил. Эту заточенную деревяшку вполне можно принять за конфигар, если, конечно, никогда не видеть настоящего.

Однако Лютера сейчас интересовал более насущный вопрос: зачем они проникли в цитадель? Возможно, берсеркер с чего-то взял, что викаране отнесли его меч за стены крепости, но тогда зачем ему мальчишка?

– Зачем вы проникли в цитадель? – уже спокойнее спросил он. – Правду.

***

Айван не мог сказать правду, даже расскажи он обо всем остальном. Викаран все еще мог его отпустить, но узнай он об истинной цели визита, ни о каком помиловании можно не мечтать.

Когда голова на плахе, рисковать не просто можно, а нужно, коли жизнь дорога.

– Мы искали мага, – ответил он, едва ли успев подумать о слетаемых с его уст словах. А ведь почти и не соврал: вещи Айвана у мага, и чтобы их найти, нужно найти его.

– Мага? – поразился молестий.

– Да. Всем ведь прекрасно известно, что берсеркеры воевали против колдунов, вот он и решил схватить одного из них. Я видел, как он заходил в цитадель, а потому вызвался ему помочь.

– Ачукалла? О каком маге он говорит? – Голос Лютера был так сух и холоден, что казалось, окна сейчас покроются изморозью, однако, несмотря на это, сам глава Совета покрылся испариной.

– А? Что? Маг? Я... я понятия не имею, что несет этот грязный оборванец. Да вы только посмотрите на него! Он же всю жизнь, наверное, только и делал, что врал. Ворваться вдвоем в цитадель, полную городской стражи, чтобы поймать какого-то мага. Какой вздор!

Лютер хотел было напомнить ему, что никакой стражи поблизости и в помине нет, но вместо этого обратился к Айвану, решив для себя, что Ачукалле вскорости следует поджарить пятки, но позже, ведь пока на это слишком мало оснований, не считая слов мальчика, которому и правда ничего не стоит солгать, чтобы обелить себя.

– Зачем? – спросил молестий.

Айван нарочито отрывисто вздохнул и потупил взгляд, словно вот-вот заплачет. Ему в самом деле было нелегко произносить то, что он собирался.

– Мой отец погиб на войне, сражаясь против колдунов. Я ненавижу их всей душой!

Лютер тяжело вздохнул. Он все еще сильно сомневался в словах мальчишки.

– Тогда почему вы не пришли сразу к нам? Почему он убил моего человека? Айван не знал, что на это ответить, он понятия не имел, почему Нандин убил рыцаря, возможно, у него были какие-то скрытые мотивы, но парень сомневался, что берсеркер достаточно хитер, чтобы все заранее спланировать. Айвану нечего было ответить, кроме как «не знаю».

– Что произошло на холме? – спросил молестий после долгой паузы.

Айван ожидал подобного вопроса, однако ничего особенно вразумительного придумать попросту не успел. Он сказал, что гулял по холму, а потом увидел, как берсеркер сражается с людьми в черных мандиасах, и сбежал, побросав свои вещи. Спустя несколько минут он услышал за спиной взрыв.

Намного труднее оказалось придумать, как они с берсеркером встретились. Пришлось рассказать, что Айван встретил его недалеко от проема в городской стене, и увидел, что тот ранен. Берсеркер попросил его отвести к местному лекарю, что Айван и сделал.

– И ты не испугался берсеркера, который только что порубил десяток человек своим огромным мечом? – усомнился молестий.

Айван не успел ответить, потому что за дверью послышались быстрые шаги, и внутрь ворвалось сразу двое рыцарей.

– Ваше Боголюбие, – отрывисто залепетал первый, – еще два рыцаря убиты.

– Что?! – взревел обычно спокойный молестий. – Как это могло произойти?

– Мы разделились подвое, чтобы обыскать цитадель, а затем мы с напарником услышали вскрик в соседней комнате на первом этаже и звук удара доспехов о пол. Когда мы туда забежали, оба рыцаря уже истекали кровью.

Молестий до хруста сжал челюсти и кулаки, и Айван буквально чувствовал, как он сверлит в его опущенной голове дыру своим взглядом. Во рту пересохло, а ноги едва держали его сторбленную фигуру.

– Но это еще не все, – продолжил рыцарь после небольшой паузы. – В той комнате из окна выломана решетка, прямо вместе с куском стены.

– Решетка? – изумился Ачукалла. – Это какой же нужно обладать силой, чтобы ее вот так выломать? Здесь точно не обошлось без магии, Ваше Боголюбие, – обратился он к молестию, – не верьте ни единому слову этого мальчишки.

– Вы не знаете, на что способны берсеркеры, – уже спокойнее проговорил Лютер. – А насчет мальчишки не беспокойтесь, я выясню все, что мне необходимо, а затем решу его судьбу лично, либо оставлю это дело на наместника. Сейчас у нас есть более важное дело – схватить берсеркера.

В отряде викаранов было тридцать человек. Как минимум трое уже мертвы. Молестий Лютер, прежде чем лично возглавить поиски убийцы, оставил приглядывать за мальчишкой двоих, и двоих же поставил за дверь.

Волшебник в маске не сомневался в умственных способностях молестия, однако новость о смерти подчиненных явно затуманила его разум, потому что ему так и не пришлось в голову проверить верхние этажи. Он сделал своим противником берсеркера, и даже представить не мог, что врагов – серьезных врагов, а не этой шантрапы из Совета – в цитадели у него больше как минимум на одного.

Пора было действовать.

Он выскочил из-за угла стремительней арбалетного болта, и не менее стремительно дважды проговорил вслух одно единственное слово-заклинание, направляя каждое из них прямо в незащищенные доспехами лица рыцарей, превращая их в ледяные скульптуры. Мгновенная и безболезненная смерть, идеально подходящая для человека, не любящего убивать.

Айван даже не успел ничего понять, когда волшебник в маске подскочил к нему и одним сильным ударом кулака отправил в мир сна. Последнее, что он увидел перед тьмой, – круглая белая маска без рта, но с коротким носом; по обо стороны от верха маски и до глаз шел небольшой желобок, расходясь в обе стороны у прорези, и вновь соединяясь вместе уже внизу, продолжая путь до самого конца. Называлась она «Плачущий воин», потому что когда шел дождь, вода стекала по этим желобкам, создавая иллюзию слез, но при этом не позволяя ей попасть в глаза.

– Почему ты не убил мальчишку? – зашипел глава Совета.

– Он тут ни при чем. Я не нанимался убивать детей.

– Ты будешь убивать тех, кого мы скажем!

– Скажите это еще громче, а то не все рыцари в цитадели вас услышали.

Ачукалла несколько поостыл, поджав губы, и волшебник в маске воспользовался этой заминкой, чтобы уложить Айвана возле горящего камина.

– Я убью оставшихся рыцарей, но обещайте, что вы не тронете мальчика.

– На кой он тебе сдался? Ладно-ладно, обещаю, – поднял руки глава Совета, отводя взгляд от пронзающих из-под маски глаз мага. – Убей этих викаранов, и берсеркера заодно, нам не к чему свидетели, тем более он убил моего слугу... Хотя нет, постой. – Ачукалла задумался. – Берсеркера лучше оставить в живых. Если сможешь, выруби его, а когда закончишь с Викараном, я скажу, что их перебил этот негодяй, после чего моя бесстрашная стража схватила его. Да, это идеально.

Его план безоговорочно поддержали и остальные члены Совета, однако волшебник в маске посчитал его идиотским. Берсеркер в одиночку перебил тридцать профессиональных воинов Викараная, а затем его схватила вшивая стража города? В это может поверить только глупец.

Однако жители города и были глупцами. Они вряд ли когда-либо видели берсеркера, но не прочь поглядеть на то, как ему сносят голову с плеч. Подобное зрелище заставит простых граждан забыть о менее значимых вещах, таких как абсурд заявления главы Совета.

Волшебник в маске не стал больше мешкать, и преступил к тому, за что ему платили

и не трогали, несмотря на постоянные пересуды горожан и лживые доносы.

Травник – не обязательно маг, но Мурра являлся и тем, и другим.

***

Лютер переходил из города в город в поисках магов уже больше года. Отыскать среди толпы настоящего мага одновременно и удача, и злосчастье. Маги обычно не сдаются без боя, так что погибают мирные граждане, погибают викаране, исполняющие свой долг.

Когда-то маги давали клятву не причинять вреда обычным людям напрямую, и за ее нарушение остальные волшебники устраивали самую что ни на есть охоту на отступника. Никто не знает, что с ним делали дальше; одни говорят, что сжигали живьем, другие, что держали в специальных тюрьмах, а третьи так и вовсе уверяли, что ловля магов-убийц просто фикция, проформа, как и их клятвы.

За магами следили только маги, сдерживали, контролировали и наказывали тоже они. Обычные люди не раз пытались создать структуру, которая контролировала бы действия волшебников, однако сами они всячески этому противились.

В конечном итоге все вылилось в пятилетнюю кровопролитную войну, хотя причин и без того было предостаточно. Кто победил? Армия Чистых Людей, конечно, вот только «чистые люди» не гнушались грязных методов, и эта победа далась огромной ценой, которую приходится выплачивать до сих пор.

По всему миру рассеялись маги, называющие себя Непокорными, действующие скрытно, что у волшебников в крови, и не чураясь использовать магию во вред, так как прежние клятвы развеялись, словно прах.

Лютер имел в своем распоряжении двести пятьдесят рыцарей-викаранов, когда начал свой путь с Большого Континента, но сейчас их осталось всего лишь двадцать пять, не считая Войтоса и самого Лютера. Эфер был самым последним пунктом, после которого надлежало вернуться в сердце Викараная, город Рамалан, и отчитаться обо всем перед Архикараном.

Что дальше ждало Лютера, знали лишь Боги.

Лютер спустился вниз в самых мрачных чувствах. Последний рывок, последний город, он ожидал, что здесь будет полно магов, но даже представить не мог, что его людей будет убивать какой-то там берсеркер, да еще и не в честном бою, коими они так кичатся, а подло, со спины, перерезая горло.

Первым делом молестий осмотрел тела очередных двух убитых. Тот же разрез на шее, что и у первого. Берсеркеры не работают так чисто и тихо, но и со своим оружием они расстаются редко.

– Вы все комнаты осмотрели? – спросил Лютер, вставая с корточек.

– Да, Ваше Боголюбие, – ответил один из рыцарей. – Остались лишь подвальные помещения.

И внешняя территория, добавил про себя молестий. Во всей этой истории выделялось несколько странных несоответствий, но у Лютера совсем не было времени о них думать. В экстремальной ситуации иногда приходится сначала действовать, а затем уже размышлять.

Шесть человек он оставил в комнате с выломанной решеткой, чтобы предотвратить проникновение или побег преступника. На этот раз Теза не готов рисковать и недооценивать противника, и тоже самое посоветовал сделать остальным.

Острия мечей блестели в свете редких факелов коридора, оранжевыми всполохами разрезая ночь. Если события продолжатся развиваться в прежнем русле, вскоре клинки обагрятся еще и кровью.

Трое мертвы, четверо наверху, охраняют покои членов Совета и Айвана, шестеро у выломанного окна. Остается еще семнадцать человек. Лютер, в сопровождении шестерых, решил отправиться в дверь справа от лестницы, Войтос же должен был идти в дверь слева в сопровождении оставшихся девяти рыцарей. Он тоже умел обращаться с двуручным мечом и мог постоять за себя, однако Лютер снова решил подстраховаться. Прислужник за сотни тренировочных боев так ни разу и не смог нанести молестию хотя бы одного поражения.

Спуститься вниз незамеченным было попросту невозможно, так как за хлипкой деревянной дверью таился непроницаемый мрак, уходящий куда-то вглубь подземелий цитадели, поэтому единственным способом не сломать себе шею было прихватить с собой пару факелов.

Подземные казематы подобных сооружений всегда разносторонни: хранение оружия и пороха наряду с независимым продовольствием на случай осады, которым Городской Совет не желал делиться даже в голодные годы, тюремные помещения, путь к тоннелям, ведущим куда-нибудь за границу внутренней стены, а то и внешней... В общем, под землей располагалось все то, что в свете солнца бросало тень на владельцев замка. Народ, конечно, понимал, что находится в подвалах власть имущих, но это не означало, что их нужно провоцировать.

Лютер шел медленно, но уверенно, держа в одной руке чадящий факел, а в другой – обнаженный меч. Низкий потолок нависал над головой, создавая впечатление, словно ты в чреве какого-то огромного червя.

– Смотрите по сторонам, – предупредил своих людей Лютер. Он не сомневался в их профессионализме, но и противник был не простым рубакой, что удивительно для берсеркера. Молестию все еще не давало это покоя.

Первое помещение было просторным, да и потолок здесь оказался выше и не столь гнетущим. Нутро червя выплюнуло их в винный погреб, где вдоль стен расположились стеллажи с изысканными сортами вина если не со всего мира, то уж точно со всего континента. Надвое помещение разделяли три лежащие на боку огромные дубовые бочки, которые вместе с подставками возвышались над головами. Удивительная коллекция для столь бедного города.

Подземелье уходило проходами вперед и вправо. Лютер был уверен, что оно покоится под всей цитаделью, а некоторые коридоры и вовсе выходят за внутренние стены или даже за городские. Искать здесь носителя Скверны было все равно, что волшебника среди толчеи города, однако молестий считался в этом мастером.

Лютер не хотел разделять группу еще больше, чем сейчас, но в таком огромном лабиринте это было необходимо, однако он все еще не спешил рисковать. Где-то впереди, несомненно, должен находиться переход во вторую половину подземелий, где сейчас пробирается Войтос. Если там все спокойно, отряд вновь можно будет переформировать.

Из одних помещений в другие вели низкие арочные проемы, под которыми приходилось пригибаться, чтобы не зашибить голову, однако именно в таком положении рыцарь был наиболее уязвим, подставляя шею под возможный удар, способный лишить его головы.

Второе помещение оказалось еще более просторным и высоким, чем первое. Вдоль стен тянулись резные каменные арки, под каждой из которых располагались статуи в полтора

человеческих роста. Это, как догадался Лютер, были правители, однако время их не пощадило, а посему лица оказались сплошь обтесаны, и невозможно понять, стоят ли здесь правители города еще тех времен, когда всем правил градоначальник, а не Совет, либо короли Протелии.

Так или иначе, но нынешние хозяева города явно не чтут свое прошлое и своих предков, раз так запустили и город и подземелье, где хранится многовековая история. Лютер был уверен, что и винный погреб стал таковым не раньше, чем умер последний из вырезанных в камне людей.

Люди любят отворачиваться от своей истории, пока та не ударит их в спину.

Лютер только успел подумать о спине, как вдруг за ней послышался какой-то странный скрипучий звук, словно кто-то вдруг решил помолоть зерна в муку. Все разом обернулись, однако позади оставалась лишь тихая тьма. Подземелья часто ведут себя словно живые, и больше всего они не любят чужаков, пронзающих их темное нутро чересчур ярким обжигающим светочем.

– Показалось? – шепотом спросил один из рыцарей, неуверенно делая шаг вперед, чтобы осветить факелом чуть больше помещения, из которого они только что вышли.

– Всем сразу? – неуверенно хмыкнул второй.

Лютер этот короткий диалог проиграл в своей голове быстрее, чем красноармеец перерезает глотку своему врагу, и уже обдумывал дальнейшие действия. Сзади точно никого оставаться не могло: в коридоре спрятаться попросту негде, а винный погреб осмотрели сверху донизу. Единственный вариант – кто-то вошел в подземелья следом за ними.

Спустя долю секунды предположение Лютера разбилось вдребезги точно таким же звуком, исходящим откуда-то из глубин следующего помещения, куда они должны были направиться дальше.

Если верить ученым умам, то язык – это самая что ни есть мышца. Лютер, будучи воином с многолетним опытом, прекрасно знал, что существует так называемая мышечная память, намного превосходящая обычную. Ты еще не успел подумать, а уже отбиваешь выпад противника и наносишь контрудар, выпуская тому кишки.

Язык молестия пришел в движение раньше, чем он успел подумать, что сказать.

– Отступаем! – заорал он. – Быть готовым к битве!

Приказы в Викаранае принято выполнять без вопросов и сомнений, особенно те, что произнесены громким и четким выкриком с ноткой паники, которую так редко можно услышать от человека, подобного Лютеру Тезе.

В узкий арочный проход не успела вбежать и половина рыцарей, как оттуда донесся так знакомый звон меча, а затем и крики. Лютер оглянулся, чтобы увидеть то же, с чем уже сражались его люди.

В темноте подземелья, где на этой стороне остался лишь один факел, фигуру, выходящую из противоположного проема, легко можно было принять за человека, с одним лишь тем отличием, что двигалась она как-то скованно, а шаги ее практически не издавали звука.

Когда фигура достигла круга света, Лютер сумел во всей красе рассмотреть представший перед ним... объект.

Голем.

Молестий до последнего надеялся, что ошибся, услышав те звуки, но его надеждам не суждено было сбыться. Теперь оставалось лишь уповать на милость Богов и сражаться.

Создавать големов способны лишь высшие маги, либо маги средней силы, потратившие

на изучение этой техники не менее десяти лет, на время забыв обо всем остальном. Оживлять неодушевленные объекты почти так же сложно, как и создавать артефакты, только магической энергии требовалось намного меньше.

Лютер аккуратно, чтобы не потушить, отложил факел и поставил перед собой меч, готовясь к неравной битве. Он собирался выжить, чтобы затем собрать самый большой в своей жизни костер, в котором свою смерть найдут все члены Совета.

Голем двигался медленно и скованно, но эта медлительность являлась лишь видимой. Подойдя достаточно близко, каменный истукан сделал неожиданно быстрый выпад, и Лютер едва успел прыжком перекатиться вперед, чтобы затем резко развернуться и рубануть мечом по ногам. Это сработало бы против живого существа, но не голема, однако Лютер и не стремился уничтожить его так просто.

Кулак голема глухо ударился в стену, возле которой секунду назад стоял Лютер, но вместо того, чтобы отбить от нее кусок, слился с ней, словно они состояли не из камня, а из густой смолы. Это одна из особенностей големов – сливаться с тем материалом, из которого они созданы, именно поэтому один из них оказался за спиной группы, попросту выйдя из каменной стены.

Голем тут же развернулся, чтобы схватить противника, но Лютер, не заботясь о состоянии любимого клинка, одним резким ударом отрубил твари кисть; та шлепнулась на землю и разлетелась на мелкие осколки. Однако для голема это нельзя было назвать даже мелкой раной. Через несколько секунд культя отросла заново, словно ничего и не произошло.

Лютер отступал назад, так, чтобы его отряд оставался за спиной создания из камня, а голем видел бы перед собой лишь одну цель. Неожиданный звук прервал тактичный отход молестия. Казалось, что само море паче чаяния ворвалось в подземные закрома цитадели, но то была не вода.

Вероятно, голем случайно задел огромную бочку с вином, и дерево, не выдержав давления, лопнуло, как яичная скорлупа, выпуская на волю тысячи штофов красного, словно кровь, пьянящего напитка.

Поток оказался столь стремителен, что воины оказались просто не в состоянии устоять на ногах, и винная река, подхватив их, словно щепки, вынесла в зал, где находился Лютер. Молестий с досадой заметил, что не все из них до сих пор живы.

Лютер спохватился слишком поздно, да и находился довольно далеко, так что, когда он вспомнил об оставленном на земле факеле, тот уже потух. Гореть оставался лишь один, находящийся в руках у рыцаря, чудом умудрившегося удержать светоч над головой.

– Не дайте факелу потухнуть! – закричал Лютер пусть и очевидную вещь.

Всех рыцарей сбило с ног, но големов, слившихся с каменным полом, поток вина не мог даже шелохнуть. Воины быстро нашли опору и вновь оказались на ногах, только сейчас заметив, что големов стало на одного больше.

Лютер первым атаковал отвлекшегося истукана, целясь прямым выпадом в голову. Это послужило сигналом, и рыцари, вначале замешкавшиеся, тоже бросились на своего противника. Зал со статуями являлся куда больше первого, и не был заставлен полками и бочками с вином, поэтому воины, пережившие множество битв, начали действовать, как единый механизм.

Прямой выпад на всю длину меча, чтобы не попасться под каменную руку голема, затем шаг назад, истукан надвигается на нападающего, но тут же получает удар в спину вторым мечником, разворачивается и третий нападающий наносит ему очередной укол.

Если бы не вино, разлитое по всему полу неглубокой красной лужей, Лютер несомненно лишился бы головы. Неожиданный всплеск за спиной он услышал просто чудом. Оглянувшись, молестий едва избежал удара каменным кулаком в голову, прыгнул, перекатился, окунаясь в красное терпкое море, и оказался сразу между двумя големами, а за спиной над ним высилась безликая статуя, благо, хотя бы этот истукан не собирался раскрошить ему череп.

Глаза Лютера, уже привыкшие к полутьме, вылови из глубины зала очередное движение: из проема в противоположной стороне выходила еще одна тень, а за ней и еще. В зале теперь находилось сразу пять големов.

– Все на выход! – закричал он. – Бейте по ногам! Не жалеть мечей!

Он первым показал пример, бегом направившись к ближайшему противнику. Резко уйдя из-под очередного удара в лицо, он рухнул на скользкий от вина каменный пол, проскользил на коленях не меньше полутора сажений, оказавшись у истукана за спиной, и сильнейшим ударом с разворота обрушил клинок на то место, где у человека находится коленный сустав.

Меч со звенящим треском переломился почти пополам, однако и нога каменного чудовища оказалась разрублена надвое. Не удержав равновесия, он с плеском повалился навзничь, едва не придавив собой успевшего отскочить в сторону Лютера.

У его рыцарей дела обстояли не хуже. Действовать вместе было куда как эффективней, и второй голем оказался на земле почти сразу за первым.

Лютер пропустил четверых оставшихся в живых рыцарей и, оглянувшись напоследок на тела погибших, мимо которых уже топали остальные големы, скрылся в проходе.

Этого времени должно было хватить, чтобы рыцари добрались до выхода, однако он застал их все еще толпящимися на лестнице у двери.

– Чего встали? – рявкнул молестий.

– Дверь заперта, – с паникой в голосе ответил рыцарь-викаран.

Дверь, настолько хлипкая, что ее, казалось, мог снести с петель и ребенок, как, например, тот же Айван, не поддавалась четырем рыцарям в полном облачении. Лютеру даже не было нужды самолично проверять, чтобы понять – здесь замешана магия.

Вариантов было два: либо вернуться и сразиться с големами, а затем углубиться еще дальше в катакомбы, в надежде найти проход во вторую часть, где находился Войтос, либо проломиться через запертую магией дверь. В обоих вариантах присутствовал вопрос: сколько магической энергии было вложено в големов и заклинание, подпирающее дверь.

Коридор от двери до винного погреба являлся довольно узким, из-за чего големы могли продвигаться вперед лишь поодиночке, и Лютер быстро принял решение. Как и всегда.

– Задержите големов, но не подставляйтесь, бейте по ногам и рукам, не дайте себя схватить.

Узкий коридор и для рыцарей не самое лучшее поле боя, но вариантов было мало. Молестий отозвал одного из воинов, и они вдвоем начали дубасить дверь, что есть силы.

Лютер, будучи молестием, носил доспехи, практически полностью созданные из довольно редкого материала – Божьего камня. Божьи камни обрушивались с небес горячими огненными вспышками, и люди верили, что они посылаются самими Богами Четырех Сторон Света как в наказание, так и в дар свыше. Этот материал обладал очень полезным свойством, особенно для служителя Викараная, – он почти не пропускал магию.

Доспехи обычных рыцарей-викаранов тоже украшались Божьим камнем, но лишь в виде филигранного тауширования, а посему могли защитить лишь от незначительных магических

проявлений, обычно просто частично их ослабляя.

Этим фактом и хотел воспользоваться Лютер.

Добиться достаточного разбега по крутой узкой лестнице просто невозможно, поэтому молестий вместе с рыцарем отступали лишь на пару ступеней вниз, а затем одним прыжком обрушивались плечом на такую хлипкую, но столь прочную преграду.

Где-то внизу послышались звуки ударов металла о камень. Необходимо было торопиться. Лютер все сильнее налегал на дверь, и его плечо с каждым ударом саднило все сильнее. Он не поддавался панике, однако, казалось, что дверь стояла здесь вечность и простоит не меньше.

Судя по всему, маг поставил барьер прямо сквозь дверь, окружил ее, словно залив в янтарь, только куда более прочный и невидимый. Доспехи из Божьего камня являлись отменным подспорьем, но двоих людей явно недостаточно.

Звуки борьбы приближались вместе со светом факела.

Лютер со всеми этими неожиданными встречами забыл о той шестерке, что оставил у окна. *Чем они там занимаются?* Молестий думал о самом худшем – к этому его приучила жизнь.

Казалось, Боги услышали молитвы служителя Церкви, и когда Лютер уже начал отчаиваться, а его помощник и вовсе просто облокотился на дверь, не в силах ударить по ней еще хотя бы раз, магическая защита поддалась.

После очередного удара, вместо того, чтобы вновь почувствовать перед собой непробиваемую стену, что прочнее стали, Теза влетел в едва держащуюся на петлях дверь, выбил ее, и вместе с рыцарем вылетел в зал, от неожиданности и усталости рухнув на пол.

Но отдыхать было некогда.

– Назад! – закричал он, вбирая в горящие легкие как можно больше воздуха. – Отступайте!

Спустя несколько мгновений из жерла ада вылетела запыхавшаяся двойка рыцарей. Лютер не стал задавать глупые вопросы.

Секунды тянулись бесконечно, но из темноты проема не раздавалось больше ни звука, словно все произошедшее оказалось лишь дурным сном. Вот только не всем удалось проснуться.

Когда стало понятно, что големы не собираются их преследовать, Лютер опрометью бросился к комнате, где оставил шестерых рыцарей охранять проем в стене, некогда бывший окном. Он увидел то, чего боялся с самого начала: все мертвы. Вот только, в отличие от Ритара, которому перерезали глотку, эти оказались убиты магией. Их словно заморозили в мгновение ока, превратив в ледяные статуи. Однако была одна странность: все они лежали на земле, словно устали и прилегли поспать рядом с ранее почившими товарищами. Лютер не раз видел последствия Оледенения, и знал, что человек, подвергнутый заклинанию, замирал в той позе, в которой находился в тот момент.

Как они оказались на земле? И где маг, совершивший это?

Лютер развернулся и также бегом поспешил ко второй двери, ведущей в другую часть подземелий. Как он и думал, она тоже оказалась заперта магией, но с той стороны не раздавалось ни звука. Нужно было сделать сложный выбор: разбить заклинание и спуститься вниз, надеясь, что люди еще живы, либо подняться на второй этаж и «поговорить» с Советом.

Теперь запертые двери оказались очень кстати. Отсюда никто не сможет сбежать, пока

не будет полностью уверен, что ему в спину не вонзят нож. Или не превратят в лед.

Лютер ненавидел юг, ненавидел холод и снег, но еще больше он ненавидел магов. И вот в самом южном городе самой южной страны перед ним предстал противник, преимущественно предпочитающий использовать замораживающую магию.

У молестия чесались руки растопить этот лед праведным пламенем костра, и он уже знал, чем – кем! – его разжечь.

***

С рыцарями, охраняющими дверь снаружи, пришлось несколько повозиться. Мурре удалось их заморозить только потому, что они не ожидали атаки со спины, но все равно их реакции можно было только позавидовать.

Первого волшебник он заморозил сразу же, однако второй едва не зацепил его мечом, которые, как оказалось, они и не думали держать в ножнах. Мурра знал множество очень полезных заклинаний, благодаря которым ему была не страшна и целая сотня рыцарей, однако для них требуется время.

Когда он с семьей бежал от войны, то попросту не имел возможности обучаться магии, совершенствовать ее и увеличивать собственные умения и знания, а все книги о магии ему пришлось уничтожить, чтобы, не дай Боги, никто случайно их не обнаружил. Четыре года он стоял на месте, не имея возможности изучать новые заклинания, да и оттачивать старые было крайне опасно, о нем и так слухи по всему городу ходят.

А тут вдруг среди подпольного мира появился слухок, что посаки сперли у какого-то нерадивого мага-недотепы конфигар и даже настоящий гриморий. Мурра, не мешкая, отправился в лавку главы посаков и выкупил драгоценные инструментарины за бесценок. Конфигар оказался основан на крови владельца, как и его собственный, так что не представлял для него ценности, а вот гриморий... Настоящий кладезь магических изысканий. Тот, кто его написал, несомненно, являлся Высшим магом. О некоторых заклинаниях травник даже и не слышал, хотя проучился в магической Академии целых тридцать три лет, пока не пришла война. Большая часть информации оказалась зашифрована, но серьезной проблемой это назвать было нельзя.

Конечно, изучать магию оставалось все также опасно, однако у Мурры чесались руки узнать что-нибудь новое. Всегда можно найти укромный уголок в лесу... Вот только мечтам мага не суждено сбыться, совсем скоро в город пребудет наместник-викаран, и тогда его не спасет даже Совет.

И все же Мурра являлся достаточно опытным магом. Он, пусть и едва, но уклонился от острия рыцаря и тут же выдал все то же заклинание Оледенения, единственное, которое мог использовать, произнося всего одно слово. До Высшего мага ему очень далеко.

Заклинание попало не в лицо, куда целил маг, а в левое плечо, сокрытое доспехами, покрытыми насечкой из Божьего камня. Рыцаря развернуло, и рука частично покрылась льдом, однако уже в следующую секунду он вновь набросился на Мурру, заноса над головой меч. Травник едва успел отскочил, и клинок выбил искру из каменного пола.

Голова рыцаря оказалась открыта, и маг, не мешкая более ни секунды, отправил заклинание прямоком в лицо противника. Воин так и замер, согнувшись под тяжестью оружия.

Мурра поднялся, несколько секунд прислушивался к тишине, и только потом соизволил

отряхнуться. Ему повезло, что рыцарь, по непонятной для него причине, так и не издал ни звука.

Поправив маску, волшебник начал медленно продвигаться к лестнице. Спустившись на несколько ступеней вниз, он аккуратно заглянул вниз, ожидая увидеть рыцарей, но первый этаж оказался пуст. Тишина звенела в ушах. Казалось, что вся цитадель вымерла в одночасье, и последних его обитателей превратил в ледяные скульптуры сам Мурра.

Все еще находясь настороже, он спустился на первый этаж, стараясь не прерывать устоявшийся покой эхом шагов. Все двери в комнаты на этаже оказались закрыты, и лишь один проем слева слегка светился вливающимся в помещение лунным светом. Волшебник медленно добрал до ближайшей к комнате колонны, стараясь оставаться в тени и прислушиваясь. Единственный звук, который ему удалось уловить, – отдаленный стрекот кузнечиков.

Все же решившись рискнуть, Мурра, держа конфигар наготове, на мгновение высунул голову на свет, да так и забыл спрятаться обратно. На полу лежало несколько человек. Подойдя ближе, он понял, что все, кроме тех, чьи глотки оказались перерезаны, все еще живы, но без сознания.

Его взгляд зацепился за лежащий у одной из стен небольшой мешочек. Волшебник поднял его и внимательно оглядел, держа подальше от лица. Он почти ничем не отличался от простой холщовой мощны, не считая слегка обгоревшего верха, стянутого шнурком. Мурра являлся опытным травником, а потому сразу понял, что внутри: сон-трава. Плюс еще пара-тройка других растений, чтобы поглотить запах и развеять дым.

Одними из немногих, кто пользовался подобными средствами, являлись Убийцы из Манона.

Мурра оглянулся и в раз стал еще осторожнее, чем прежде. *Кто-то выжил?* Травнику очень не понравилась эта мысль. Со слов Лютера он знал, что они, судя по всему, охотятся лишь за берсеркером, но им ничего не стоит убить всех, кто встанет у них на пути. Теперь стало понятно, кто перерезал горла рыцарям и кто, скорее всего, убил слугу, не позволив тому позвать стражу.

[Купить полную версию книги](#)